

Анна и Сергей Литвиновы
Одноклассники smerti
Серия «Спецкор отдела расследований», книга 5

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162700
Литвинова А., Литвинов С. Одноклассники smerti: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26216-8*

Аннотация

Блестящий журналист Дмитрий Полуянов считал свою невесту Надю Митрофанову девушкой милой, но, увы, предсказуемой. Да и чем может удивить скромная библиотекарша?.. Поэтому когда погибла ее бывшая одноклассница, Дима не сомневался: это случайность. Непонятно только, почему невеста нервничает и умоляет, чтобы он расследовал смерть девушки. На первый взгляд никаких загадок нет: обычное бытовое убийство. Но Надя настаивала... Заинтригованный Полуянов берется за журналистское расследование и очень скоро узнает: оказывается, тихоня Надежда в прошлом вела жизнь, весьма далекую от нынешней образцовой. И нажила себе могущественных врагов – настолько серьезных, что даже сейчас, спустя десять лет, ее жизнь оказывается в опасности...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	27
Глава 4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Анна и Сергей ЛИТВИНОВЫ ОДНОКЛАССНИКИ SMERTI

Глава 1

Совсем рядом

Когда-то здесь жили почти с комфортом. По крайней мере, старались, чтобы квартира выглядела достойно. Даже сейчас, сквозь пелену пыли, было видно: линолеум подобран в тон обоям, и шторы того же оттенка, и люстра пытается гармонировать... Такую квартирку, если хорошенько отмыть, можно сдавать с пометкой: «Ремонт советский, но уютно».

Впрочем, про уют тут забыли уже давно. Коридор заставлен зимней обувью – когда за окном плюс тридцать, соляные разводы на сапогах и ботинках смотрятся гротескно. А рядом – пустые бутылки, коробки и коробочки, смятые пластиковые стаканы и сигаретные пачки, комки бумажек, окурки и иной мелкий мусор – вповалку, без всяких интеллигентных пакетов. Плюс прямо с порога гостей встречает запах – характерный, терпкий: немытого тела, перегара, разлитого дешевого портвейна... Может, это и не притон, но то, что пьют здесь без просыпа, с порога становится ясно.

Хотя Васёк всегда летел сюда словно на крыльях. Потому что встречали в квартире радушно. Хозяйка, интеллигентка Ленка, жалостливо гладила его по худым ключицам и восклицала: «Цыпленок! Настоящий цыпленок!» А потом традиционно рассказывала историю, как в далеком детстве купила себе такого в зоомагазине. На сэкономленные от школьных завтраков десять копеек. Очень птенца любила, укладывала с собой в постель, а потом решила угостить его колбаской, после чего цыпленок сдох.

Ваське не нравились сравнения с доходяжным куренком, но ради *грядущего* он всегда терпел. Потому что ждало его из раза в раз приятное: дядя Степан, Ленкин вроде как муж, без всяких разговоров наливал пришедшему стакан. И пусть с закусью было плоховато, но выпивка, по волшебному щучьему велению, всегда находилась.

А сегодня Васька был готов зуб дать: его и вовсе примут, как короля. Потому что не с пустыми руками, как часто бывало, перся, а с полным, что называется, термоском. Как раз очередную пенсию дали, да еще и с прибавкой, вот он первым делом и поскакал в магазин. Святое ж дело – с хорошими людьми финансовое поступление от доброго государства отметить. Затарился по полной программе. В пакете с изображением полуголой зубастой бабы и ноль семь водяры плескалось, и тархунчик – запить, и даже пирожных, специально для Ленки, он на лотке взял – пусть хозяйка порадует и очередную, из своих вечных, байку расскажет. Как ей важный хрен, то ли Рихтер, то ли еще какой-то Мацуев, однажды самолично вручил коробку роскошных конфет и даже приложился к ручке.

...Звонить, упреждать о визите Васек, ясное дело, не пытался. Не принято в их кругах. Звонок на входной двери безмолвствовал, чье хулиганство – неизвестно, но давно уже торчат одни проводки.

Потому Васька «без церемониев» замолотил в дверь кулаком. Стучал от души, с жаром – и расплывался в улыбке, предвкушая, как сейчас явится на пороге Степан. Как спросит строго: «Фули ты барабанишь?» А Васька вместо ответа тряхнет пакетом, водяра с тархунчиком откликнется мелодичным звоном, и лицо хозяина тут же расплывется в понимающей и счастливой улыбке.

Однако сколько ни стучал, а не открывали. Только бабуленция из квартиры по соседству нос сквозь цепочку просунула, недовольную рожу состроила. Васек ей в ответ тоже немалую физиономию скорчил – во весь щербатый рот. Видно, впечатляюще получилось: старуха вякать не стала, тут же спряталась, мымра. А он тем временем взялся дверную ручку дергать. Вспомнил, что она у Степана с Ленкой тоже древняя, несмазанная, только коснись – визжит циркулярной пилой. Может, хотя бы это услышат?

А дверь вдруг возьми и отворись: видно, и замку, тоже столетнему, наконец-то писец пришел.

Васька сунул нос в темный коридор, весело выкрикнул:

– Эй, вы! Ленок! Степаха! Дрыхнете, что ли?

Время вроде неподходящее, чтобы дрыхнуть, два часа дня всего, но не зря ж Ленка говорит, что она – человек творческий. Творческие – они и до шести вечера могут спать. А Степка, наверное, на шабашку пошел – он единственный кормилец, не Ленке ж своей расстроенной фортепьяной на водяру с пропитанием зарабатывать.

...Но если хозяева и дрыхли – то совсем уж без задних ног.

Потому что Васька в темнующем коридоре вешалку вместе со всем содержимым обрушил. Грохот получился страшный, а из комнат так и не раздалось родного, беззлобного матерка. Куда-то на пару слиняли, наверно. Вот и носи им после этого водку, да еще и на пирожные разоряться!

Васька из чистого упрямства все же зашел в квартиру. В гостиной – Ленка с пафосом именovala ее «залом» – обычный кавардак. У окна россыпь осколков, бурая лужа, и портвейном тянет. Вдвойне бардак: и бутылку не уберегли, и пол после катастрофы не протерли. В уголку сплошным комком матрас, подушка и одеяло без всякого белья, – видно, кто-то в гости наведывался. Одна пианина посреди комнаты блестит чистотой. Это, Васька знал, Ленкин бзик. Хоть и не играла она толком уже давно, пальцы не слушались, а сколько ни выпьет – все равно в каждом вечеру протирала его тряпочкой. Говорила, что искусство грязи не прощает. Забавная она, эта Ленка. Может, все же дома? Нахрапывает? Счастливые сны смотрит про свои рояли?

И Васька, не выпуская из рук драгоценный пакет с полуголой бабой, двинулся в спальню. Тут у Ленки со Степаном тоже творчески: кровати нет, зато матрас почти во все двенадцать метров. И зеркало под потолком, пусть и мутное. Настоящий будуар. Правда, лежать жестко, и собственная же рожа на тебя постоянно пялится, зато места много – хоть поперек спи. Васька однажды тут дрых, пожалели его, когда слишком уж перебрал.

...Чутье его не подвело: Ленка действительно оказалась здесь. Раскинулась посреди кровати на животе, голову под подушку спрятала, а голые пятки, наоборот, из-под одеяла сверкают. И ногти на ногах, отметил внимательный Васька, накрашены. Алым. Молодец Ленка, хоть рожа и пропитая, а старается выглядеть на уровне.

Что ж, ее ожидает приятное пробуждение.

Водку Васек из самого дальнего угла холодильника вытащил – чтоб с гарантией, ледяная. И хотя на дворе жарница, а согреться бутылка еще не успела, вся холодными капельками исходит. Ее-то Васек из пакета и извлек. И, хулиганя, приложил к Ленкиной обнаженной ноге. Вот сейчас будет визгу!

Однако в ответ не раздалось ни звука. Васька прижал бутылку покрепче да еще, для пущего эффекта, Ленкину конечность пощекотал – и только тут осознал: нога, несмотря на жару, совсем не горячая. И очень твердая. И веет от хозяйки чем-то неприятным, опасным. Как от панночки, той, что помэрла, – про нее ему в раннем детстве рассказывала мамка.

Васька неожиданно почувствовал, что замерзает.

Он одним движением перевернул Ленку на спину. Подушка, прикрывавшая ее голову, отлетела, и в лицо гостю уставились два невидящих, остекленевших глаза. Обведенный

синевой рот, кончик языка неприятно выглядывает наружу. А еще – нехорошие, темноватые кругляши, проступившие вдоль крыльев носа, Васька знал, что они называются «трупные пятна».

Бутылка с водярой жалобно звякнула о пол. Ленка продолжала пялиться на него мертвыми глазами. Васька инстинктивно отпрыгнул от покойницы, вжался спиной в стену спальни и оглушительно заорал.

Надя

Они еще не женаты, но даже в их гражданской семье – куча проблем. И главная: Дима с ней скучает.

Потому что слишком они не похожи, слишком в разных плоскостях мыслят. Для нее идеал – мягкий диван, тихий лепет телевизора, интригующий аромат очередного кулинарного шедевра. А Димке подавай приключения. Скорость, риск, адреналин, мурашки по коже...

Надя и сама, конечно, любит изредка подрожать на каком-нибудь фильме ужасов или даже схватиться, когда ходят в боулинг, за самый тяжелый шар. И метнуть его – в тщетной надежде, что хотя бы так удастся выбить заветный «страйк».

Только где на каждый день взять приключений? У них ведь с Димой не кино про агентов Скалли и Малдера, а обычная семья. Да и Полуянову давно пора остепениться. Не мальчик уже, за тридцать, волосы редуют, а все рвется то на ралли, то на мотоцикл. Но разве есть более жалкое зрелище, чем, скажем, лысый, весь в морщинах байкер?..

Однако Дима, кажется, готов вести неразумную, шалую жизнь до самой пенсии. Совсем не ценит тихого домашнего счастья... Хотя Надя старается изо всех сил. Каждый вечер перед сном просматривает кулинарные книги, чтобы завтра порадовать любимого очередным изыском. И домой всегда спешит пораньше – пусть к Диминому приходу квартира сияет свежестью.

Она же видит: *ему*, ее Димочке, уютная домашняя жизнь тоже явно нравится, просто он признаться в этом не хочет, не тот, видите ли, у него *имидж*. А когда забывает, что весь из себя крутой, – и на диване с удовольствием валяется, и каналы непрерывно переключает, и Надины борщи вкупе с прочими разносолами с удовольствием наворачивает. Но время от времени все равно срывается с цепи. То часами глазет в телеканал «Discovery» на всякую охоту за тиграми или рыбную ловлю в дальних северных морях, и видно: явно завидует продубленным ветрами и солнцем ковбоям и морякам. А то и вовсе ласково скажет Наде:

– Ты, солнышко, устала. Целый день крутишься. Хочешь, я тебе ванну наполню? Отдохни, поваляйся...

Спасибо, конечно, за заботу, только Надя один раз подглядела: покуда она покорно отмокает в пенной ванне, сердечный друг косит глазом на тощих голых красоток по кабельному телеканалу.

Вот ненасытный! Будто мало она, начитавшись женских журналов, встречала его обнаженной, в одном кружевном фартучке. А танец живота в ее исполнении – прелюдия любовной игры, на которой частенько настаивает Дима? А любовь глухой ночью на крыше их шестнадцатиэтажного дома – Надя тогда едва от холода не околела и чуть со страху не умерла, но что поделаешь, если другу захотелось экстрима?..

Да вообще – черти бы взяли тот экстрим! На третьей «Мазде», своем последнем приобретении, Димка гоняет так, что уже два раза тормозные колодки менял, хотя в сервисной книжке написано, что они аж до семидесяти тысяч дотягивают. А прыжки с парашютом? А наглое, без всякой подготовки участие в соревнованиях по аквабайку – Димку понесло на

них прошлой осенью?.. Состязание, правда, непрофессиональное, съехались на него сплошь понтовые новые русские, но Дима-то, в отличие от них, водного мотоцикла прежде и в глаза не видел! Однако абсолютно бесстрашно прыгнул за руль и взревел мотором так, что дикие утки со своих гнезд посрывались. И обиделся, что Надя ему компанию не составила.

Прикажете ей тоже ледяной осенью на бешеном аквабайке кататься, за Диминой спиной? Или рисковать жизнью на переднем сиденье «Мазды»? Русские женщины – они, конечно, своей жертвенностью на весь мир славятся, но Надя в безумствах Полуянова не участвует. Из принципа. В «Мазде», когда за рулем Дима, только на заднем сиденье сидит. И с парашютом не стала прыгать даже в тандеме с инструктором. Полное сумасшествие: отстегивать две сотни долларов только за то, чтобы тебя привязали к незнакомому мужику и выбросили вместе с ним из самолета с огромной высоты.

Приходится, конечно, гордиться, что ее Дима такой бесстрашный. И хвалить его – такие уж правила игры. А когда тот на своем аквабайке к финишу первым прирулил – Надя и вовсе прослезилась. Однако постоять в рядах зрителей, покричать: «Дима, давай-давай!» – это ее потолок. Но когда сердечный друг в ее законный отпуск зовет Надю куда-то на Алтай, по горным рекам на плотах сплавляться, – это уж увольте.

Почему *она* должна тратить собственные деньги и время на совершенно ей неинтересные сплавы? Почему бы на компромисс не пойти *ему*, Диме? И не оценить наконец уют тихих семейных вечеров, тонкий аромат карпа, тушенного в семи пряных травах, и бездумный, ленивый отдых на теплом пляже?

...Но ждать, что сердечный друг возьмется за ум, – это настоящая русская рулетка. Полуянов – он непредсказуемый. То ли правда рано или поздно он одомашнится, то ли взбрыкнет и уйдет от нее к какой-нибудь тощей красотке, вокруг него их миллионы выются.

Вот и живешь будто на пороховой бочке. Тушишь в травах очередную рыбу, а сама боишься, что пройдет вечер, наступит ночь и Дима не вернется. И ты останешься одна. Со своими несбывшимися надеждами и бесполезно остывающим карпом...

Дима

Дима Полуянов домой возвращаться не спешил. Зачем? Во-первых, все равно пробки. А во-вторых, из-за Надьки. Она, конечно, милая и готовит шикарно, но не терпеть же ее квохтанье весь вечер, с семи до полуночи, когда в родной редакции всегда дел немерено...

Сейчас он с комфортом – кондиционер на максимуме, ноги на столе – восседал в псевдокожаном кресле своего кабинета. Рядом, на гостевом стульчике, изящно скрестила стройные ножки Кирочка – молодая, перспективная, с огромными пухлыми губами журналистка-коллега.

Оба работали. Девушка перебирала стопку ярких бумажек и одну за одной перекидывала их Полуянову. Им выпало приятное задание – *шерстить турфирмы*.

«Шерстить турфирмы» в «Молодежных вестях» было бонусом, подарком за безупречную службу. Давали его, правда, только раз в год и лишь самым ценным сотрудникам. В переводе на обычный язык сутью премии было выбрать из множества предложений – а в газету их присылали десятками – самый интересный заграничный тур. Съездить в него, разумеется, на полную халяву, еще и командировочные дадут. А после – написать для «Молвестей» лихой репортаж.

Всегда бы, а не только раз в году, иметь такую работу! Газета у них известная, тираж пятничного выпуска под три миллиона – турфирмы всячески изгаляются, чтобы «Молодежные вести» о них написали. Отели ниже пяти звезд никто даже предлагать не осмеливается, а многие и на перелет бизнес-классом расщедриваются.

– Вот, по-моему, самое классное, – Кирочка зашелестела очередной пестрой бумажкой. – Арабские Эмираты, пять звездочек с плюсом, вид на океан, все включено, и три бесплатные СПА-процедуры каждый день. Шоколадное обертывание, м-м-м...

– Эмираты? В июне?! – фыркнул Дима. – Что ж, попробуй. Посмотрю я на тебя, когда плюс сорок два в тени. Всю поездку в номере под кондиционером просидишь. Никакого шоколада не захочется. – И посоветовал: – Езжай лучше на Хайнань. СПА там не хуже, а климат приятней.

– Хайнань? Но там же одни китайцы! – возмутилась Кирочка.

– Ты предпочитаешь арабов? – ухмыльнулся Полуянов. – Ну да, они же куда сексуальнее...

Обидеть коллегу Дима не боялся – знал, что Кира подобные разговоры обожает, всегда их поддерживает и даже частенько сама провоцирует. Вот и сейчас девушка мгновенно дикой кошечкой подобралась. Вперила в него наглый взгляд огромных голубых глаз. Облизнула пухлые губы и ему в тон ответила:

– Что ты, Димочка! Разве я могу думать о каких-то арабах, когда ты от меня всего в двух шагах?!

И, продолжая поедать-облизывать коллегу влюбленным взглядом, кинула на его стол следующий рекламный текст.

– А может, поедем вместе? Вот смотри: «Турция. Необычный тур, только для влюбленных. Яркая ночная жизнь, незабываемые приключения...»

– В Турции?! Знаю я их приключения: от тараканов по номеру бегать, – буркнул он.

А Кира с придыханием читала:

– «Массаж для двоих, эротическое шоу, релакс в турецкой бане, обволакивающая южная ночь...»

– Какой идиот им такие тексты пишет!

– А по-моему, шикарно. Ты только представь: ночь тебя *обволакивает*. И я... тоже.

Дима знал Кирку уже пару лет и давно решил: чтоб она его *обволакивала*, в смысле – конкретно, это увольте. Себе дороже – потом не отцепишь. И потому он четко разграничивал: мимолетный секс после бурной редакционной вечеринки охотно позволял, а вместе ехать в туристическую поездку никогда бы не согласился.

И сейчас на очередную провокацию не поддался. На похотливый Киркин взгляд не ответил, со страстными объятиями на нее не набросился. Просто терпеливо переждал, пока той надоест дурачиться.

Кира, так и не втянув коллегу в игру, отшвырнула текст и уже без всякого придыхания произнесла:

– Да прав ты, конечно. Полный бред. Кому сказать: весь мир на халяву дают – а я в какую-то сраную Турцию поеду. Вот я лучше куда. На Багамы. Тоже пять звезд! – Она триумфально потрясла следующей бумажкой. – Ничего себе, расщедрилась турфирма! Туда один билет, между прочим, две штуки баксов стоит!

– Езжай, – кивнул Дима. – На Багамах, говорят, дайвинг мощный.

– А мужики, интересно, там мощные? – Кирочка лукаво взглянула ему в глаза. И, упорная, возобновила атаку: – Может, *сюда* вместе поедем? Ты не подумай чего, просто моим личным переводчиком будешь. А то, сам знаешь, у меня с английским проблема. Как и со всеми прочими иностранными языками.

– Не бойсь, не пропадешь. Багамы давно новые русские облюбовали. Там теперь в любом отеле обязательно нашенький администратор есть, – утешил Дима. – Он тебе переводит.

– Опять отмазался, – прищурилась Кирочка. – Брезгуешь, получается, коллегой. Хотя нет, – ее лицо просветлело, – я поняла... Ты, наверно, со своей толстушкой в отпуск ехать собрался?!

– Кира... – посуровел Полуянов.

Но та не сдавалась:

– Все ясно. Решил, значит, за казенный счет свою Надю куда-нибудь на Мальдивы вывезти?! А что, ты у нас звезда-а-а, тебе все позволено. Даже девиц посторонних на халяву по курортам таскать.

И ведь угадала, проницательная! Действительно была мысль: подхватить верную Надюху, которая прежде и в жалкой Турции не бывала, и отбуксировать ее в роскошное местечко. И чтоб все, как она хочет: утром валяться на пляже, а пока жара – в прохладном номере с книжками, а вечерами – бродить, взявшись за ручки, по острову, и он ей даже пару милых ее сердцу стихов прочтет, из тех, что еще со школы в памяти остались. И никакого, так и быть, дайвинга с кайтингом. За казенный счет, правда, не получится – Кирка здесь не права. Он в «Молвестях», конечно, звезда, но не до такой же степени. За подругу придется из своего кармана платить. Но на бедную Надюху и двух штук личных баксов не жаль. Была бы ей достойная награда за все борщи, и за безответность, и за то, что танец живота специально для него разучила...

...Впрочем, Кирке быстро надоело корчить из себя обиженную любовницу. Она насмешливо изрекла:

– Ну и хрен с тобой, Полуянов. Живи как знаешь. Чую, скоро в семейных трусах ходить начнешь. И двойню родишь. А я пока что покачу на Багамы.

Подхватила буклет с багамскими картинками и царственно выплыла из Диминого кабинета. А тот машинально проводил взглядом ее обтянутую узкой юбочкой попку и взялся досматривать рекламу. Найти предложение по Мальдивам, какой-нибудь тихий, без особых дискотек островок. Забронировать бунгало на двоих – и баста. Вот Надюха обрадуется!

А тут ему на глаза и попалось: *«Только для настоящих мужчин! Неделя приключений в Кении! Сплошной адреналин! Сафари! Восхождения! Гонки на джипах по пустыне! Прыжки с парашютом!»*

И уже придуманный рай со спокойным отдыхом на Мальдивах сразу показался тошнотворным и пресным, как советский санаторий... Да он же в таком отпуске, вместо того чтобы сил на грядущий год набраться, с тоски помрет! Эх, если б Надюха согласилась поехать с ним в Кению! Пусть без всякого адреналина, он же не заставляет ее прыгать с парашютом или охотиться на слонов. Просто компанию ему составить.

Но, Дима знал, об этом подруге даже заикаться не стоит. В Кении ведь явно придется в палатках жить. Топать по пустыне в тяжелых говноступках. А уж о юбках – Надюкина любимая форма одежды – и подумать смешно. Сто процентов: не поедет. Да еще и обидится. И снова начнет зудеть, что пора взрослеть и остепеняться...

Правда, конечно. Но до чего же сложно с этими бабами...

Дима

Хотя и посмеивается он над Надюхой с ее вечными борщами, а возвращаться домой, когда там тебя ждет горячий ужин, всегда приятно. Да и всякие женские *штучки* вроде салфеточек и апельсинового сока со льдом в хрустальном бокале тоже душу грели – хотя вслух Полуянов над ними посмеивался.

Что там Надежда на сегодняшний вечер анонсировала? Кажется, некое яство под пряными травами. Хорошо бы, конечно, мясо, но можно и рыбкой удовлетвориться.

Дима наконец выбрался из неизбежной пробки, одолевшей Ярославское шоссе. Повернул в сторону Медведкова, Надькиной обители. Тоже полно машин, но здесь хотя бы они плетутся, а не стоят, как на злосчастной Ярославке, в мертвом потоке.

«Расчетное время прибытия – плюс десять минут», – оценил Полуянов. И потянулся за мобильником уведомить Надьку, что он на подходе, пусть свою рыбу, или что там у нее, на стол подает.

Однако ни домашний, ни мобильный у подруги не ответил. Диму сей факт не рассердил и не удивил. Обычное дело – в преддверии его прихода Митрофанова лихорадочно мечется по кухне, дорезая салатик или украшая готовое блюдо всякими глупостями вроде ягодок клюквы или веточек петрушки, ей в такой момент не до телефона.

Он выбрался на совсем уж свободную Широкую улицу и поддал неукротимой «Мазде» газку. Машина весело взревела всеми своими ста шестью лошадьми, а Димино лицо расплылось в улыбке.

В каком-то психологическом журнале он недавно вычитал, насколько важно жить не прошлым, не будущим, не угрызениями, не предвкушениями – но текущим моментом. Наслаждаться каждой длящейся именно сейчас секундой. Способ ему понравился, и теперь он постоянно искал поводы для восторга. А иногда их и искать не надо было, сами находились, как, например, нынче: лето, мощь мотора, вечерняя прохлада, вырвался из пробки, впереди отпуск, а дома – милая Надюха с ее старательными ужинами.

Дима размяк до такой степени, что даже у цветочной палатки тормознул. Выбрал для подруги аж пятнадцать ослепительно белых тюльпанов. Представил, как та поставит их посреди обеденного стола в хрустальную вазу и, пока он ест, весь вечер будет поглядывать на букет и счастливо улыбаться...

Полуянов лихо, безбашенным подростком влетел в Надькин двор. Его «ракушку», к счастью, не заставили – «Мазду» он припарковал без проблем. Вбежал в подъезд, улыбнулся злому консьержу. И еще от лифта начал втягивать ноздрями воздух. Пытался угадать, что за ароматы витают вокруг. Рыба или все-таки мясо?

Однако, как ни внюхивался, пахло лишь пылью да сигаретными «бычками».

«Обоняние ни к черту, неужели придется курить бросать?» – слегка расстроился Дима. Своим ключом отомкнул дверь в Надюхину квартиру. И с удивлением понял, что ничего вкусенького не предвидится. Да еще и свет погашен, а обычно Надя все кругом иллюминацией расцвечивает. Что за ерунда? Сбежала, что ли, куда-то? Но он звонил ведь ей в обед и сказал, что приедет как обычно, то есть около половины десятого. Сейчас, допустим, дело к одиннадцати, но Надька вроде не из таковских, чтоб минутными опозданиями его укорять, к тому же сама не без глаз, видит, какие в Москве безумные пробки.

Сердце слегка екнуло. А если чего случилось? К тому же и телефоны у подруги не отвечали...

Дима швырнул тюльпаны на тумбочку в коридоре и вполголоса позвал:

– Надька! Ты дома?

С удивлением услышал, что голос – его собственный, всегда бесстрастный, чем он гордился, – предательски дрогнул.

Тишина.

– Надька! – заорал Полуянов в полную силу.

И услышал со стороны темной кухни ее жалобный всхлип:

– Ди-и-ма! Я тут!..

Он пулей метнулся туда. Уже стемнело, Надькин силуэт на фоне закрытых занавесок вырисовывался неярким пятном.

Дима первым делом врубил свет и с облегчением увидел, что Надька, по крайней мере, не ранена и не больна. Просто очень грустная, и глаза, кажется, заплаканы. Ну, девчонки, как известно, плачут по поводу и без.

На сердце сразу отлегло.

– Че это с тобой? – буркнул Полуянов.

Действительно странно: сидит на стуле у окна да еще и ноги в украденной у него манере на подоконник закинула. Больше того: в руках бокал (бесцветная жидкость, пузырьки газа плюс лимон – явно джин с тоником). А плита – холодная, стол не накрыт, и никаких аппетитных запахов в кухне не витает. Непонятный демарш...

Надька жалобно взглянула на него. Махнула рукой на соседний стул, пригласила:

– Садись.

Виновато пробормотала:

– А ужина нет.

– Ладно, обойдусь, – пожал Дима плечами. И повторил: – Что-то случилось?

– Да, – прошептала она.

Шмыгнула носом и снова прошептала:

– Я, наверно, этого не переживу...

Глава 2

Пятью часами ранее. Надя

Дима никак не тянул на примерного клерка, и потому Надя была далека от того, чтобы ждать его в обычные для офисных служащих семь часов вечера. Но все равно, едва вернулась из своей библиотеки (сегодня она работала в первую смену и потому освободилась уже в четыре), немедленно кинулась в кухню. На сегодняшний ужин Надя планировала рыбу под маринадом из помидорчиков черри и, пока ехала домой, вспоминала, все ли продукты есть в наличии. Филе в морозилке точно имелось, и масло тоже (а жарить рыбу лучше на смеси подсолнечного и сливочного), и все необходимые приправы. Единственное сомнение – остались ли в холодильнике пресловутые черри? Вчера – точно были, полная пластиковая упаковка. Но вчера же после полуночи, когда Надя засыпала, по спортивному каналу сражались очередные футбольные гладиаторы, асы кожаного мяча. И Дима, она сквозь сон слышала, принимал в матче самое деятельное участие: скрипел креслом, звенел пивными бутылками, хрустел чипсами. Вполне мог и бедными помидорчиками закусить. Сама когда-то любимого научила, как вкусно под пиво смешать черри, тертый пармезан и чесночок. А чесноком от любимого ночью точно пахло...

Едва вошла в квартиру, тут же ринулась в кухню – проверять холодильник на наличие помидоров. Нашла. Обрадовалась. И над собой же усмехнулась. Какие-то *мелковатые* у нее стали радости. То ли дело раньше, десять лет назад... Может, Полуянов и прав, когда называет ее последней клушей.

Надя быстро переоделась. На собственный перекус тратить время не стала – немедленно приступила к готовке. Но едва извлекла из холодильника рыбу, как в дверь позвонили. Она метнула взгляд на часы – всего-то без двадцати шесть, совсем не Димино время. Но сердце все равно екнуло. Неужели ее расчеты не оправдались? *Мужчина*, любимый, голодный, после работы пришел, а у нее ужин до сих пор не спроворен! Бабский, позорный, домо-строевский менталитет. Можно подумать, Дима когда-нибудь ее упрекал, что в доме поесть нечего. А если изредка подобное и случалось – ведь даже у скромных библиотекарей на работе бывают авралы, – Полуянов покорно перебивался бутербродами или, что еще приятнее, в ресторан вечером ее вел.

Но все равно, пока она спешила в прихожую, на ходу придумала: если вдруг неожиданно негаданно это Дима, она его сухомяткой пытаться не станет. Можно будет минут за пять пышный омлет пожарить – с болгарским перцем и теми же помидорами черри. Или еще проще: горячие бутерброды с сыром.

Однако забивала Надя голову зря: конечно, то был не Полуянов. Пришельцы, что топтались на пороге, оказались совсем иного рода, у нее аж сердце екнуло – двое мужиков. И оба – в милицейской форме.

– Ой... – еле слышно охнула Надя.

Хотя она не нарушала в последние годы никаких законов, а все равно неприятно. Да и мысли опять на пресловутого Димку переметнулись: вдруг с ним, шептунным, что-то страшное случилось? Он ведь постоянно рискует – по делу или чаще без дела. А кого первым извещают о катастрофе? Конечно, жену – пусть и не официальную, а гражданскую.

Хотела распахнуть дверь сразу, но здравомыслие взяло верх. Спросила, не отпирая:

– Вам кого?

– Надежда Митрофанова? – раздался приглушенный дверью мужской голос.

Мысли и вовсе понеслись вскачь. Раз по имени называет – значит, точно что-то ужасное. Но Дима ведь ей звонил! Всего два часа назад! Уверял, что мирно сидит в редакции и пускает слюнки в ожидании ужина!

...А мужчина за запертой дверью тем временем сунул под «глазок» свое удостоверение:

– Я Андрей Салов, ваш участковый. Мы с вами знакомы...

Наде тут же полегчало – вспомнила. Действительно, они однажды общались. Сейчас ведь у ментов новая мода: начальство обвешивает город дурацкими плакатами «Участковый – от слова «участие», а рядовой состав иногда обходит квартиры. Знакомятся с жильцами, и если застают в жилом секторе гостей с Востока, тут же и денежку с незаконно проживающих взимают – себе в карман. Вот и участковый Салов как-то к ней на огонек заглянул, вечером, когда Надя с Димой на диване перед телевизором валялись. Проверил паспорта, согласился на кофе, охотно смел четыре домашних пирожка с капустой, выпросил, где они оба работают, а когда Полуянов попытался его на очерк о буднях участковых развести, важно сказал, что подумает и в течение пяти рабочих дней сообщит. С тех пор уже, наверно, год прошел, и, хотя Салов грозился навещать их минимум раз в три месяца и выслушивать, как он выражился, «жалобы и пожелания», больше они не общались. А сейчас он вдруг явился. Да еще и в компании с каким-то вторым ментом. Ну, если опять обход жильцов, поить кофеом она их не станет. И времени нет, и без Диминой защиты боязно. Мало ли что менты в форме – на вид все равно здоровенные бугаи, неизвестно, что им в голову взбредет.

Надя распахнула дверь и, не приглашая гостей в квартиру, строго спросила:

– Что вам угодно?

– Сделай, Наденька, лицо попроще! – попросил Салов.

Митрофанова вспыхнула. Во-первых, она не терпела, когда ее, как Ленин Крупскую, «Наденькой» величали. А во-вторых, разве они с участковым настолько накоротке?..

Только не зря Полуянов ее – в шутку, конечно, – «тормозочком» называет. Пока она подбирала слова для отповеди, момент был упущен. Салов деловито спросил:

– Паспорт при тебе?

Ей снова захотелось возмутиться – с какой, интересно, стати он тыкает? И опять не успела, потому что второй милицейский, рангом явно выше Салова – похож на следователя, как их в сериалах показывают, – быстро сгладил неловкость:

– Вы, гражданочка, не волнуйтесь. Никаких лично к вам претензий. Мы просто обыск должны провести в квартирке напротив...

– Короче, понятой пойдешь, – вновь влез Салов со своим разбитным тоном.

– Но... – пискнула Надя.

Ей совсем не хотелось присутствовать при обыске. Тем более у соседей. И тем паче – в компании развязного Салова. Но только... в квартире напротив живет Ленка. Ее бывшая одноклассница.

...С Ленкой они не то что закадычные подружки. И в школе на жизнь по-разному смотрели, а уж сейчас-то особенно. Но когда десять лет кряду учишься в одном классе, живешь через стенку и почти каждый день вместе едешь на уроки в лифте, это ведь что-нибудь значит?

– Что случилось? – выдохнула Надя.

– Да хорошего мало, – хмыкнул Салов.

А второй милицейский, тот, что следователь, спокойно объяснил:

– Беда с вашей соседкой. С Еленой Коренковой.

Надя машинально закрыла ладошкой рот. Теперь, когда имя прозвучало, ей стало совсем уж страшно. Ленка. Коренкова. Ей ведь – как и самой Надежде – всего-то двадцать семь лет! Или нет, двадцать восемь. Митрофанова вдруг вспомнила, как одноклассница

жаловалась, что у нее день рождения неудачно выпадает. Раньше, чем у остальных в классе, – на летних каникулах. Что за уши не треплют, конечно, неплохо, а вот что «поздравляем» всей толпой не кричат и подарков не дарят – очень обидно...

– Не может быть, – прошептала Митрофанова. И еще тише спросила: – Она умерла?..

Следователь коротко кивнул. Надя перехватила его взгляд.

Тяжелый у него глаз. Потухший. Видно, как человек устал от того, что люди погибают. А еще пуще – от бесконечного общения с понятыми, родственниками, зеваками. И от постоянных объяснений, что убивают и молодых, и женщин, и совсем рядом...

– Давай, Митрофанова, пошли. Выполни свой гражданский долг, – строго, совсем не к месту приказал Салов.

Второй смягчил ситуацию. Вежливо проговорил:

– Ну что, девушка? Поможете нам? – И добавил: – Вы не волнуйтесь. Ничего там особенно страшного...

– Да я не волнуюсь, – засуетилась Митрофанова. – Сейчас. Конечно. Пойдемте.

Бестолково открыла сумочку. Вспомнила, что паспорт с тех пор, как на городских улицах перестали цепляться с пропиской, с собой не носит. Побежала в гостиную, где сервант с документами, но ящик перекосялся, открываться не хотел...

Надя дергала его и вспоминала, как совсем недавно, дня, наверно, четыре назад, в Ленкиной квартире закатили очередную пьянку. Народу набилось много – местные алкаши это местечко обожали, как со знанием дела объяснил Полуянов, за то, что не подвал и не коммуналка. До трех ночи и вопили, и посудой об пол грохали, и матерились, и визжали в открытые окна. Димка уж на что демократ, и то хотел милицию вызвать, Надя его еле отговорила. Самой, конечно, от таких дебошей было тошно, но все-таки одноклассница... Вместе когда-то краситься учились – по модному журналу – мамиными тенями. И всегда друг на дружку полагались, если нужно из дому сбежать или что-то криминальное спрятать. В киношку на вечерний сеанс с Мишкой из параллельного? А маме говоришь, что с Коренковой. Из кармана куртки сигареты выпали? Да это Ленка попросила спрятать...

Потом, после школы, их пути окончательно разошлись, но все равно они всегда здоровались. И за солью или там хлебом друг к другу бегали – до тех пор, пока Ленка окончательно не пустила свое домашнее хозяйство на самотек.

А теперь ее убили. Хотя нет, почему она, Надя, так решила?! Мент просто сказал, что *беда* и Лена умерла. Допилась? Не выдержало сердце?

Надя наконец извлекла свой паспорт. Протянула душе-следователю, тот мельком взглянул на страничку с фотографией и передал документ противному Салову. Наде любезно предложил:

– Пойдемте.

Они в молчании пересекли лестничную площадку.

В Ленкиной – теперь уже бывшей – квартире царил суета. Спотыкаясь о сваленный в коридоре хлам, шныряли озабоченные люди в милицейской форме. На кухне за хромоногим столом Надя углядела пожилого мужчину в синей форме с логотипом «Скорой помощи». Он сосредоточенно заполнял какие-то бланки, а рядом стоял второй, помоложе, с медицинским чемоданчиком.

Надя – у Ленки она не бывала уже минимум года три – поразились, до какой степени та запустила когда-то очень аккуратную, дорого отремонтированную квартиру. Об обоях, кажется, каждый гость считал своим долгом руки вытереть. Пол весь прожжен окурками. У Ленкиной школьной еще фотографии, которая зачем-то висит в коридоре, разбито стекло... Как же получилось, что ее молодая – и талантливая! – жизнь пошла наперекосяк?..

– Сюда. В спальню, – прервал Надины размышления оперативник.

Она послушалась. И увидела.

Сначала – огромный, по всей площади комнаты матрас. Мутное зеркало, жалкая пародия на плохой эротический фильм, под потолком. И Ленку, лежащую на спине. С серым лицом, вокруг губ пена, глаза закатились, и, кажется, даже трупные пятна уже проступили... Ужасно. Но все равно видно, до какой степени она юная. Утонченная. И беззащитная.

– Она? Коренкова? – коротко спросил мент.

– Да, – всхлипнула Надя.

– Тогда все. Можете забирать, – крикнул он кому-то в недра квартиры. Деловито велел Митрофановой: – Ты пока в другой комнате обожди. Сейчас труп увезут, и мы к обыску приступим.

– А что... что с ней случилось?.. – Надя никак не могла отвести глаз от обнаженного и прекрасного даже в смертельном удушье молодого тела. Ей до сих пор не верилось, что Ленкина смерть – это навсегда. Глупости в голове вертелись. Будто им по восемь лет, они за что-то обиделись на своих строгих мам и решили им в наказание умереть – конечно, понарошку...

Но оперативник окончательно развеял ее иллюзии.

– Убили, похоже, твою подружку, – поморщился он. – Задушили. – И с непонятным садизмом, а может, просто с профессиональным равнодушием уточнил: – Веревкой.

Милицейский испытующе взглянул на Митрофанову. Явно чего-то от нее ждал. Может быть, слез и выкриков: «Как же так?!» Или испуганного: «Я не убивала!» Или всего лишь оправданий, что Ленка ей совсем не подружка, а просто соседка и бывшая одноклассница?

Но, похоже, Надежда его ожидания обманула. Потому что не стала ни рыдать, ни оправдываться. А просто стояла и будто замороженная смотрела на то, что осталось от Ленки. И опять вспоминала, вспоминала. Вдруг всплыло, как они на физкультуре подглядывали за мальчишками в щелку пацанской раздевалки. Или как в восьмом классе однажды вместе в консерваторию отправились. А в антракте с Ленкой вполне по-свойски поздоровался сам Жеңя Кисин. И свою кассету с автографом подарил. А Ленка, едва музыкант отошел, ее об стенку разгрохала – на глазах изумленной публики. И объяснила пораженной Наде, что в «подачках знаменитости не нуждается». Мол, очень скоро свои собственные кассеты будет поклонникам раздавать...

Тогда, конечно, многие считали, что Коренкова – будущая звезда, может, еще и похлеще, чем Кисин. Что будут у нее и собственные диски, и толпы поклонников. Но после той истории с кассетой Наде показалось, что Ленка несколько преувеличивает свой талант.

А сейчас, десять лет спустя, вышло, что она действительно была права. Потому что к своим двадцати восьми одноклассница так и не записала ни единого диска. А теперь уже не запишет их никогда.

И Надя – наверно, именно подобной реакции и ждал от нее оперативник – наконец расплакалась.

Иван Адамович

Он всегда любил ночь. За ее прохладу, таинственную переключку скрипов и шорохов, за прихотливую игру теней, беспечное мерцание звезд. И еще – за *неочевидность*. Это днем все ясно и в лоб: на коне – лишь красивые. Везет только тем, кто с большими бицепсами. И чем ярче, аляповатей цветы, тем дороже они продаются. А ночь наполняет мир загадками. В сумраке, в нечеткой игре лунного света худощавая помойная кошка может оказаться роскошным абиссинцем. А старческая фигура в старом плаще неожиданно обратится в прекрасного рыцаря.

Жаль лишь, что сейчас, в июне, ночи приходится ждать слишком долго.

...Ваня Пылеев, уже давно Иван Адамович, полюбил темноту подростком, лет в четырнадцать. Как-то сразу все навалилось: первое чувство к тоненькой Вике из параллельного класса и первые прыщи, огромные, по всему лицу, их не брали никакие спиртовые примочки и никакой марганец. А еще Вику ужасно смешили его круглые, под Джона Леннона, очки. «Мой милый Чебурашечка», – говорила она. Может, и нежно, но Ваня на такой эпитет жестоко обижался.

– Да не страдай ты. Потерпи. Все вы, подростки, в четырнадцать лет не красавцы, – неловко утешала его мама.

Странная женщина. Сама рожала, сама воспитывала, но так и не поняла, что терпеть – это не по его части. И что у ее сына хотя и внешность ребенка, но характер – уже стальной.

Ваня и решил, что в лепешку расшибется, но терпеть не будет. И найдет возможность избавиться от проклятых прыщей и ненавистных очков не когда придет абстрактное время, а немедленно.

Сейчас, в двадцать первом веке, никаких проблем бы с этим (кроме денег) не возникло: кругом полно и косметических салонов для мужчин, и хороших эндокринологов, и грамотных окулистов.

Но Ванина юность выпала на семидесятые, а возможностей тогда было куда меньше. Ему со своими прыщами пришлось отправиться в чуть ли не единственное существующее в те времена место, где пеклись об эстетике человеческого лица и тела, – Институт красоты на Калининском проспекте.

Конечно, его оттуда послали. С резюме, аналогичным мамашину: идет обычная для подростка гормональная перестройка, нужно просто потерпеть, и все пройдет само.

Погнали Ваню и из известной глазной клиники, где он умолял врачей «вырезать проклятую близорукость». Сказали, что избавиться от его минус четырех никаких проблем не составит. Но только не в четырнадцать лет, когда организм еще не закончил расти, а минимум в восемнадцать. И как объяснишь дуракам-врачам, что красавица Вика однозначно не дождется его совершеннолетия?..

Но Ваня не сдался все равно. Всеми правдами и неправдами раздобыл «взрослый» читательский в Ленинскую библиотеку. Часами просиживал в газетном зале. Заказывал все новые и новые издания, в основном западные, – хорошо, у него с английским проблем не было. И вычитал-таки, что с прыщами можно бороться жидким азотом. А вместо очков носить диковину под названием «контактные линзы».

А потом, упорный, нашел косметолога, которая первой в Москве начала использовать жидкий азот. Вот стыдобища-то была ходить к ней в обычную парикмахерскую мимо рядка теток с масками из непонятного месива на лицах!

Клинику, единственное место в столице, где подбирали жесткие контактные линзы, Ваня тоже разыскал.

И косметолог, и окулист его отговаривали. Под теми же смехотворными предложениями, что организм еще не закончил формироваться и как бы не стало хуже. Но Ваня настоял на своем. Да и деньги – в них маманя ему не отказывала – свою роль сыграли.

И вот неслыханное чудо: проклятых прыщей больше не существует. И видит он без всяких очков! И можно разгрохать свои стеклышки в стиле Джона Леннона о стенку – пусть окулист и бухтит, что линзы – не панацея и нужно обязательно носить обычную оправу как минимум по полдня.

– Ты стал такой прикольный... – задумчиво сказала Викуля, когда он первый раз в новом облике появился в школу. И преданно заглянула ему в глаза: – Это все ради меня, да?

– Да нужна ты мне двести лет! – как и положено подростку, грубо буркнул Ваня.

И на первой же перемене бросился в раздевалку, к зеркалу. Не обращая внимания на смешки одноклассников, долго рассматривал свое лицо. Пытался взглянуть на него глазами

подруги. Совершенства, конечно, в мире нет, и совсем без проблем не обошлось. Там, где раньше были прыщи, красуются небольшие шрамики. А глаза – красные, будто после новогодней ночи. Тоже издержки: от жестких контактных линз постоянное ощущение, будто тебе песку в очи насыпали. Но все равно же лучше, чем было!

...Вика на него действительно теперь смотрит куда чаще, чем раньше. Только не влюбленно, а скорее виновато. А когда он подходит поболтать, всегда напряженная, дерганая, глаза бегают, лицо серьезное. Будто секунды считает, чтоб отбыть неприятную повинность и убежать. И когда он рядом, не смеется, хотя с другими парнями (кто, как и положено, в прыщах!) заливается веселым колокольчиком.

А однажды, когда они «Повесть о настоящем человеке» обсуждали и Ваня про малоизвестные ей факты из жизни летчика Маресьева рассказывал, девушка вдруг обронила:

– Во, Ваня, точно. Ты теперь как тот мужик. Груздев.

– Что? – опешил он.

Груздевым в романе звали приятеля летчика Маресьева. Он был танкист. Получил в тяжелом сражении страшные ожоги и боялся показать своей девушке изуродованное лицо.

– Я... такой же урод?.. – Ваня не сдержался, голос предательски дрогнул.

– Нет-нет, что ты! – перепугалась Викуля. – Я совсем не это имела в виду, я просто ну... как его... во, формулировать не умею! Помнишь, там, в книжке, строчка про Груздева? Что-то типа: «В сумраке его лицо было даже красивым»? Вот и у тебя та же фигня. Не бойся, ты и днем нормальный. Вполне! Но когда стемнеет – вообще офигительный! Профиль точеный, волосы вьются, глазищи огромные – класс!

...С тех пор они с Викой встречались, только когда город одевался во мрак. Летом темнело поздно, и получалось совсем ненадолго, потому что обоим, по строгим правилам тех лет, полагалось возвращаться домой не позже одиннадцати. Но Ваня всегда стремился, чтобы даже жалкие полчаса, которые они проводили вместе, были *заполнены*, и не примитивным, как у конкурентов, трепом про вечные киношки-джинсы-жвачки. Он потчевал Вику совсем другим коктейлем. Чуть-чуть биологии – сколько, оказывается, интересного в жизни банальных летучих мышей или светлячков! Немного истории – рассказывал, когда, например, в столице появились первые газовые фонари. И, чтобы занудой не сочла, даже криминальными историями пугал. Правда, давними, из прошлого века, – ему удалось в Ленинке воспоминания дореволюционного сыщика Кошко раздобыть.

Теперь, в сумраке, Вика, казалось, смотрела на него с любовью. Ну, или хотя бы с горячей симпатией, которая вот-вот перерастет в любовь. По крайней мере, внимала всегда его рассказам, едва ротик не разинув, преданно заглядывала в глаза, застенчиво улыбалась шуткам... Ваня не сомневался: назревает первый поцелуй, а за ним, пожалуй, что-нибудь еще более восхитительное.

И потому в один из поздних вечеров он даже не понял, почему подруга вдруг явилась на свидание бок о бок с рыжим Мишкой из девятого «Б». Случайно, наверно, встретились, а теперь она его отшить не может... Ваня смело шагнул им навстречу, по-хозяйски протянул Виктории руку – сейчас Мишка, конечно, все поймет, распрощается и исчезнет в наступивших сумерках.

Но получилось совсем не так. Дюжий девятиклассник велел Вике: «Постой в сторонке». Та немедленно повиновалась, а рыжий коротко и очень грубо объяснил Ване, что подходить к этой девчонке ему больше не след.

– Она моя, понял?

Иван, безусловно, боготворил Вику. Но, будучи умным человеком, быстро и трезво оценил свои возможности. Ему тут ничего не светит. И бросаться в драку, когда он на две головы ниже рыжего и раза в два худей, просто маразм. Только еще большим дураком себя выставишь. Поэтому в продолжение монолога конкурента Ваня молчал, хлопал ресницами.

И изо всех сил сдерживался, чтоб не тереть глаза, отчаянно нывшие под контактными линзами.

И лишь когда Вика – худенькое плечико ухвачено хозяйской лапищей рыжего – скрылась в накрывшем столицу мраке, он не удержался и зарыдал.

...С тех пор утекло много лет. Вика давно, Ваня это знал, вышла замуж, родила, развелась, снова отправилась в загс, и снова родила, и снова осталась одна. Недавно он ее встретил. С любопытством и долго, будто перед ним забавное насекомое в энтомологическом музее, разглядывал сильно располневшую, с потухшим взглядом и пережженными перекистью волосами особу. Остался доволен. Россиянка, когда ей сорок, да без мужика, – совершенно неприглядное зрелище. Как он мог когда-то ее любить?..

Сам он так и не женился. Даже не пробовал. Зачем? Что за твари бабы, Иван, спасибо Викуле, понял еще в четырнадцать. А дети как продолжение рода его не интересовали.

Ваня Пылеев успешно окончил педагогический институт. Без проблем, по зрению – спасибо эксперименту с жесткими контактными линзами – откосил от армии. И вернулся уже учителем в родную школу.

В выборе профессии не сомневался: главное, что он *действительно* любил рассказывать интересные истории. И уж ученикам, школьникам, в отличие от ветреной Вики, приходилось его слушать – у них просто не было альтернативы.

Жизнь пошла если не счастливо, то гладко. В педагогическом коллективе Иван Адамович был на хорошем счету, дети его любили, а старшеклассницы и вовсе частенько теряли голову от романтического, глаза под толстыми стеклами очков, историка. Но он, разумный и ответственный человек, конечно, был непреклонен. Лишь изредка – когда среди учениц оказывалась очередная светленькая, невесомая, с точеной фигуркой *Вика* – сердце слегка щемило.

...Иван Адамович бережно хранил выпускные фотографии, начиная с той, где десятиклассником был он сам. А вечерами, когда все дела переделаны и наступал и поныне любимый им сумрак, любил просматривать свои архивы. Вглядывался в напряженные и торжественные лица выпускников. Вспоминал. Усмехался. Что-то бормотал себе под нос. Они все – его подопечные. Он их всех в какой-то степени взрастил. Воспитал. Вылепил.

...Сегодняшнего вечера, очередной темноты он ждал с особенным нетерпением. И едва упорное летнее солнце растаяло за крышами близлежащих высоток, предался любимому занятию. Однако нынче Пылеев не просто просматривал – он целенаправленно искал среди карточек свой первый, где был классным руководителем, выпуск. Одиннадцатый «А» 1997 года.

Ага, вот и фотография – уже изрядно пожелтела от времени.

Он наконец выхватил карточку. Поразился, насколько далекими и почти незнакомыми кажутся лица. Да и фамилии бывших учеников в памяти уже стерлись. Ведь сколько лет прошло... Иван Адамович даже засомневался: а есть ли на фотографии *она*? Вдруг болела или, когда приходил фотограф, ездила на очередной концерт, или просто отказалась сниматься – ведь всегда была своевольной...

Но нет, девушка, которую он искал, на фотографии была. Юная, прекрасная, светловолосая, стройная. Хотя и звезда, а скромно стоит во втором ряду, с краешку.

Иван Адамович взгляделся в тонкие, благородной лепки черты. Улыбнулся в ответ на ее очаровательную, волей фотографа оставшуюся в вечности улыбку. А потом черным фломастером обвел молодое лицо в траурную рамку.

Далеко от Москвы. Степан

Они снова с Ленкой расстались. И теперь уже навсегда, в этом сомнений не было.

Степан, хотя и жара на улице, зябко запахнул потертую джинсовку. Он стоял на вокзальной площади райцентра К. – в двух часах езды от Воронежа – и ждал автобуса до деревни Калинки. Наверно, его принимают за наркомана: все кругом в шортах, изнывают от зноя, у бесплатного фонтанчика с питьевой водой – остались еще в провинции такие архаизмы – работают локтями распаренные граждане, а он кутается в куртку с длинными рукавами.

Но его действительно знобило – без всяких наркотиков. И даже без капли алкоголя, хотя Ленка бы хохотала как бешеная, узнай, что вчера, за целый горячий летний день, он не влил в себя ни единого глотка пива. И сегодня тоже не пил – хотя по поезду спиртное носили. Но Степа решил, когда все случилось: трезвенником он, конечно, не станет. В нашей стране такое поведение выглядит подозрительно или, по меньшей мере, глупо. Но с алкоголем – по любому поводу, мимоходом, к завтраку, потому что дождь или когда по телику фильм тяжелый – однозначно покончено. Хотя спиртное его вроде и не затягивает, иначе б давно спился за те два года, что прожил в угарной, пропитанной парами алкоголя Ленкиной квартире, но, на всякий случай, хватит уже искушать собственный организм, дурманить голову бесконечной водкой. К тому же непонятно, сколько вольных деньков ему осталось.

Степан, конечно, надеялся, что немало. По крайней мере, он сделал все, чтобы ни один, даже самый пытливый, ментяра не сумел выйти на его след.

...Когда Степа понял, что никакие чудеса подругу не воскресят – ни за что и никогда, – он просто, не теряя лишнего времени, вышел из квартиры. Спокойно, будто гуляя, двинул к магазину – пусть бабули-соседки, вечный контингент, коротающий жаркие летние дни у открытых окошек, не сомневаются: очередной, как они его называли, *местный алкаш* отправился за поправкой здоровья. Но когда он проходил «девяточку» – ближайшую к дому питейную точку, гастроном, когда-то числившийся под номером девять, – внутрь его заходить не стал, чем немало изумил их с Ленкой многочисленных приятелей, толкавшихся на пороге. Доброжелательный сизоносый Иваныч даже крикнул вслед:

– Ты чё, Степанидзе? Бабла, что ль, нет? Не ссы, угостим!

Отвечать Степа не стал. Да и как объяснишь собутыльникам, что спиртное ему за эти два года настолько обрыдло... Все равно ведь не поверят.

Он, неприметный в своих летних, выцветших джинсах, темно-синей, без всяких рисунков футболке и с джинсовой курткой, перекинутой через руку, вошел в метро. Распаренный милицейский сержант, карауливший вход, скользнул по нему равнодушным взглядом и отвернулся. Менты, к счастью, к Степану никогда не цеплялись – если только не приходилось, спасибо беспутной Ленке, допиваться до полной каши в голове. А когда Степа был трезвым, блюстителей порядка он не интересовал. Наверно, они тут же просчитывали в своих милицейских мозгах: что с такого возьмешь? Явно славянской внешности, по виду москвич, но классом куда ниже среднего, в лопатнике и пятах не сыщется...

Хорошо, что и в этот раз не остановили. Потому что паспорта при нем не было. Степан после недолгих размышлений оставил его в Ленкиной квартире. Какой смысл брать? Все равно подозревать будут в первую очередь его. Начнут искать, и, скорее всего, очень серьезно. Объявят во всероссийский розыск, разошлют ориентировки, а то и портрета на стенде «Их разыскивает милиция» удостоят. И зачем искушать судьбу? Нет документа – им не пользуешься, а прихватишь – обязательно сразу, и не предскажешь, в какой ситуации, появится искушение его применить. И тем самым засветить свое местопребывание. Сейчас главное – затаиться. А после, когда рвение милицейских уляжется, он потихоньку выплы-

вет из тени. И уж как-нибудь да организует себе документы на новое имя. Может, *Лениным* назваться? В память о безвременно почившей подруге?

Степан хмыкнул. Что ж, еще получается шутить. Уже неплохо.

...Со станции «Медведково», где располагалась их с Ленкой берлога, Степан отправился на «Комсомольскую», к трем вокзалам. Из метро вместе с ним выплеснулись толпы народу – одни спешили к электричкам, другие – к кассам дальнего следования. Степа же двинул против потока – не к вокзалам, а в сторону «Красносельской». Остановился у первого же встретившегося банкомата. Интересно, что бы сказала Ленка, найди она у своего сожителя-собутыльника кредитную карточку? Да не муляж, а настоящую, действующую? Наверно, решила бы, что у нее «белочка» начинается. Или, еще хлеще, за вора бы приняла. Стала б, как правильная, орать, что надо пить на свои, а не тырить по чужим карманам. Слишком привыкла, что он – лопух. И иметь собственные средства просто не способен.

...Но пусть и удобно хранить деньги на пластике, а сейчас карточка может его здорово подвести. Степа не сомневался, что эту транзакцию – практически полное обнуление счета – следки вычислят на раз. Одна надежда, что решат: алкаши – они дурные. Раз снимал деньги у трех вокзалов – значит, и уехал с какого-то из них. Может, для пущей конспирации купить билет на свое имя куда-нибудь до Питера? Пусть ищут его на северном направлении?

Но от этого плана Степан после недолгих раздумий отказался. Во-первых, сейчас лето, в кассах наверняка страшные толпы, и терять время на стояние в очередях просто глупо. А во-вторых, на поездах он не ездил уже тысячу лет и даже представления не имеет, по какой схеме нынче продаются билеты. Для самолета, он знал, достаточно сказать паспортные данные, а сам документ потребуют лишь на предполетном контроле. А как с поездами – хрен его знает. Вот и не будем связываться.

Степа, несмотря на жару, облачился в джинсовую куртку. Поместил наличность – банкомат порадовал пятидесятирублевыми купюрами, и пачка оказалась не такой уж и толстой – во внутренний карман. И снова спустился в метро. Теперь его путь лежал на станцию «Текстильщики». На ней он и распрощается с Москвой, сядет на ближайшую электричку. И покинет столицу без всяких глупых именных билетов: просто заплатит, как законопослушный гражданин, тариф до Тулы. И через пару часов окажется в совсем другом городке. Даже не в Московской области, а там уж его, по крайней мере сегодня, никто не будет искать. Но Тула при этом город достаточно большой, чтоб уехать уже из него в любую точку страны.

«Интересно, – почти равнодушно думал Степан, раскачиваясь в душном скрипучем вагоне пригородной электрички, – когда найдут Ленку?»

Дверь в квартиру он запирать не стал, их с подружкой собутыльники – народ бесцеремонный, когда им не открывают, сами вламываются...

И еще – об этом думать не хотелось, но он не мог ничего с собой поделать – в квартире у них очень жарко. Не только буржуйских кондиционеров не имеется, но даже шторы на окнах в спальне – драные, тюлевые. Никакой защиты от беспощадного солнца. И значит, Ленкина красота, пусть и поблекшая от пьянства, уже сейчас, когда минуло всего-то несколько часов, претерпевает роковые изменения. И ее кровь – горячая, молодая, а теперь навсегда прекратившая свой ток – проступает на совершенном теле отвратительными трупными пятнами...

Что ж, Ленка. Ты этого сама хотела! Всегда говорила, что лучше умереть молодой, на пике славы. Со славой, правда, не сложилось, но погибла ты, как и мечтала, молодой.

Хотя куда естественней было бы покинуть этот мир не в двадцать восемь, а в восемьдесят два, подремывая в кожаном кресле над талмудом собственных воспоминаний, изданных на роскошной бумаге и приличным тиражом...

Но каждый сам решает, как ему построить собственную жизнь. Тоже, кстати, Ленкины слова – так подруга отвечала, когда он пенял, что она слишком много и совсем без повода пьет.

...Электричка до Тулы – он сдуру сел не в экспресс, а в ту, что со всеми остановками, – тащилась, кажется, целую вечность. Да еще и оказалось, что до следующего поезда дальнего следования целых два часа, пришлось коротать их в мерзком привокзальном кафе за гадким, насмешка над благородным напитком, общепитовским кофе.

...А Ленке, наверно, сейчас хорошо. Хотя и стерва была, но вряд ли ее забрали в ад, черти не дураки, им такая конкурентка без надобности. Да и на истинную, расчетливую и коварную, грешницу его сожительница никак не тянула. У кого язык повернется назвать ее подлой? Скорей она дурочка – наивная и самоуверенная, а таким только в раю и место. И уж там, наверно, в такую погоду точно включают кондиционеры...

Степан утер выступивший на лбу пот рукавом джинсовой куртки. Кажется, ему удалось. Хорошо, что он может иронизировать и над собой, и над погибшей подругой, и над его некогда сумасшедшей любовью...

Он вдруг подумал, что уезжает из Москвы если не навсегда, то очень надолго. И даже не успел – да что там не успел, в голову не пришло – попрощаться с друзьями. Не с *вынужденными*, конечно, не с собутыльниками, а с немногими, но – настоящими. Как назло, вон и вывеска «Интернет-кафе» манит, можно было бы вместо того, чтобы пить мерзкий кофе в привокзальном буфете, юркнуть туда, взять ноль пять ледяного пива и черкнуть мужикам, каждому, хотя бы пару оправдательных строк...

Но Степан предпочел не рисковать. Он не очень разбирался в компьютерах, однако понимал, что даже нашим ментам труда не составит выяснить, из какого именно места он отправлял друзьям свой прощальный привет. Да и от ледяного пива он решил пока воздерживаться. Тем более что сейчас, в жаркий, полный стресса день, выпить хотелось нестерпимо. И это расстраивало. Для оставшейся свободной жизни – а она, несмотря на все его предосторожности, грозила оказаться совсем недолгой – ему нужно иметь трезвую голову.

...Наконец хриплоголосая дикторша объявила, что скорый поезд Москва—Новороссийск прибывает на третий путь, и Степан, с облегчением отодвинув недопитый кофе, поспешил на перрон. Поезд уже подошел, из тамбуров выпрыгивали разомлевшие пассажиры, толпившиеся на платформе бабки осаждали их с вареной картошкой и малосольными огурцами. Степа деловито шагал вдоль вагонов – выбирал проводницу. Попростоватей и поголодней – до денег и до мужчин.

И его план – не зря он пытался поступать в университет учиться на психолога – увенчался успехом с первой же попытки. Худенькая, вся в веснушках мадам охотно проглотила, что билетов в кассах нет, и что ехать «надо во как», и что он заплатит без звука сколько нужно. Разместила его, правда, неудобно – в своем служебном купе. Значит, придется всю дорогу выслушивать жалобы на дураков-пассажиров и подлеца—начальника поезда. Но, может, оно и к лучшему – отвлечься, нырнуть в совершенно другую, простую, без интеллигентских изысков жизнь. Степа, конечно, уважал Вивальди и немного разбирался в разных престо-модерато-синкопах, но в последние годы вся эта серьезная музыка стала его бесить. Спасибо Ленке, которая начинала говорить о Вагнере только после лошадиных доз водки.

А проводница с веснушками если и включит музыку, то наверняка легкомысленного Тимати или какого-нибудь Ратмира Шишкова. К тому же ехать Степану недалеко – всего лишь до Воронежа.

А потом еще два часа на местной электричке до райцентра. И там – «всего два раза в сутки, но ходит, раздолбай, пока ходит!» – тридцать километров автобусом до деревеньки Калинки.

На хуторе в часе ходьбы от Калинок осел Мишка, его армейский кореш. Человек не от мира сего, с добрыми, всепрощающими глазами. И совсем неподходящими для армии привычками. Во взводе его считали последним чмо – потому что даже во время маршей он умудрялся наблюдать за живой природой и собирать какие-то хитрые цветочки... В общем,

на взгляд *нормальных пацанов*, Мишка несчастный человек и полный дебил. Один Степан из всего взвода нескладного Мишку и защищал. Всегда думал, что просто так, по доброте души, а теперь оказалось, что пригодилось. Потому что, когда прощались на дембеле, ботаник Мишаня всучил ему свой подробный адрес. Стребовал Степанов. Поклялся ему писать. И взял слово, что однажды Степан к нему обязательно придет. Надолго. Отдохнуть от сумасшедшей Москвы.

– Приезжай! У нас там степи шикарные! Вместе будем лазить! Я тебе такие экземпляры покажу, «Красной книге» и не снились! – горячо упрашивал натуралист.

И Степа, чтобы не расстраивать дурачка, обещал – не сомневаясь, что никогда, конечно, не придет.

Но в нынешней ситуации ему только и оставалось надеяться, что на хутор где-то в часе ходьбы от деревни Калинки.

Дима

Вместо ужина пришлось перебиваться вчерашним хлебом, колбасой и помидорами черри.

Сей факт вполне можно было пережить. Куда хуже, что весь вечер он пронянькался с Надеждой. Будто маленькая девчонка, ей-богу: увидела мертвое тело и раскисла, психологическая у нее, видите ли, травма, и руки дрожат, и нос хлюпает. Подумаешь, зрелище – труп, к тому же однодневный, свеженький. Что б с ней было, отведи он ее на экскурсию в морг, где невостребованные хранятся?!

– Но она же моя-а одноклассница-а, как ты не понимаешь? – рыдала Надька.

И что с того? *Школьницей* их соседку Коренкову Дима не знал, но то, что оставалось от нее сейчас, особенно и жалеть не хотелось. Пропитая, противная тетка и выглядела не на свои двадцать восемь, а на верные сорок. Конченная алкоголичка. Не хочется прослыть циником, но задушили – и задушили. Вполне для такой дамы типичный конец.

Но Надюхе, ранимой натуре, этого не скажешь! Вот и приходится нести пургу, что Ленка теперь на небесах и ей там хорошо, куда лучше, нежели на грешной земле.

Дима разливался соловьем, – а про себя (хотя и нехорошо, конечно!) тихонько радовался, что с оргиями в соседской квартире наконец покончено. Не то чтобы он какой-нибудь моралист, просто иногда хочется выспаться. Или сосредоточиться на футболе, а не слушать пьяные вопли, доносящиеся сквозь картонные стены их панельки. И нет бы просто орали или табуретками швырялись. Эта Ленка-то, Надюха рассказывала, когда-то большие надежды подавала. Мечтала стать знаменитейшей пианисткой. Вот самый кошмар и начинался, когда покойную Коренкову вдруг давние честолубивые мысли одолевали. И она садилась за жутко расстроенное (даже Дима со своим более чем скромным музыкальным слухом это понимал) пианино. Играть соседка всегда пыталась уже крепко выпивши, в ноты не попадала, пальцы ее не слушались, и минут двадцать жестокой какофонии всегда сменялись пьяными слезами. Ну и, конечно, громогласными обвинениями, что все кругом сволочи, погубили ее неземной талант. А при чем тут все? Бухать надо было в разумных пределах.

– А ведь она совсем другой раньше была! – всхлипывает Надюха. – Веселой. Доброй. Помогала всегда...

Тоже, наверно, вряд ли. Дима со всеми этими *подающими надежды* многократно сталкивался – злобные, себе на уме, повернутые на собственной исключительности создания. Но не спорить же с подругой!

И он попросил:

– Ладно, не вкоччи. Расскажи лучше, как ее убили.

Куда полезней послушать внятный рассказ, нежели бессвязные восклицания.

– Зачем это тебе? Тоже смерть привлекает?! – вскинулась Надюха. – Как бабку Юльку с нашей площадки?!

Да уж, *адекватной* Надькину реакцию никак не назовешь. Что поделаешь – девчонка. К тому же – библиотечка.

Дима устало спросил:

– А при чем здесь бабка Юлька?

– Да она два часа сегодня под Ленкиной дверью толкалась! – выкрикнула Надя. – И, когда кто-нибудь выходил, все норвила в квартиру заглянуть. Любопытно ей...

– Мне, по правде, твоя Ленка до фонаря, – пожал плечами Полуянов. – Просто нам же в отпуск лететь, а с деньгами, сама знаешь, сейчас негусто. Вот я и подумал: раз само в руки идет, может, написать репортажик? Лишний гонорар не помешает.

О совместном отпуске Дима упомянул впервые. И, безусловно, рассчитывал, что Надька заинтересуется. Начнет выспрашивать, куда они летят, да еще вместе. Ну а когда он ей скажет, что есть маза в пять звезд, да на Мальдивы, то она и вовсе выкинет пьяное убийство соседки из головы.

Надюха неожиданно примолкла. Переваривает новость? Или, что хуже, готовит отповедь, что «грех наживаться на горе ближних»? И раньше-то периодически выступала, что в журналистах нет ничего святого, ради красного словца не пожалеют и отца, а сейчас, когда ее драгоценной одноклассницы дело коснулось, и вовсе может взбеситься.

Но думала подруга, как оказалось, совсем о другом. Потому что вдруг спросила срывающимся голосом и очень тихо:

– Ты что, правда готов об этом написать?

– А почему нет? – пожал плечами Полуянов. – Бытовуху у нас не особо жалуют, но что-нибудь придумаем, чтоб пропихнуть. Руки-то мастерские! Научены из любой фигни конфетку делать.

Надю его ернический беспечный тон явно задевал. И Полуянов постарался смягчить свое предложение:

– Да ты не переживай, я и про ее талант упомяну. И всякие сопли про безвременную гибель...

– Да не об этом я, Дима! – возмутилась Надька.

– Тогда о чем?

– О том... о том, что вдруг – это не бытовуха?!

Час от часу не легче. Когда хроническую алкоголичку после очередной пьянки находят задушенной в собственной постели, можно на любые деньги спорить: убийца – сожитель, с пьяных глаз приревновавший ее к зашедшему в гости собутыльнику. Или же – собутыльник, взъярившийся на сожителя. Третьего не дано.

Но высказывать все это Надежде Дима не стал, а то опять разволнует. Куда грамотнее сделать, чтобы она убедила себя сама. И Полуянов спокойно сказал:

– Вот я и прошу: расскажи для начала самое важное. Ленка твоя ведь жила с этим, как его... со Степаном? Тоже вашим одноклассником?

– Да, – кивнула Надя.

– Ну и где он сейчас? Менты его уже допрашивали?

– Я точно не знаю... – вздохнула Надюха. – Но, кажется, я только обрывки разговоров слышала... Степан исчез. Его паспорт – в квартире, и все вещи тоже. А самого нет. Менты между собой говорили, что будут в розыск объявлять.

– Вот и весь бином Ньютона, – пожал плечами Полуянов. – Он, ясное дело, и убил. А теперь испугался и прячется. Но ты не волнуйся – найдется. Нужно просто подождать, когда у него похмелье начнется, а с ним и раскаяние. Тогда как раз он с чистосердечным в милицию и придет.

– Но Степка... он такой хлюпик! И лопух! Он точно не мог! – возмутилась Надежда.

– Ох, можно подумать, я этого вашего Степку не видел! – фыркнул Полуянов. – Вполне нормальный бугай. Со всеми признаками алкогольной деградации. По-трезвому, конечно бы, он не решился. А с пьяных глаз – запросто... Когда Ленку-то убили?..

Надя смутилась:

– Да я точно не знаю...

– С тебя что, подписку о неразглашении взяли? – усмехнулся Полуянов. И успокоил: – Не дрейфь, никто все равно не узнает. Если я за это дело возьмусь – не с твоих же слов буду писать! Придется в УВД обращаться, с операми базарить, с участковым. И уж время смерти мне точно скажут.

– Ну, вчера ее убили, – неохотно буркнула Надька. – Ориентировочно между двенадцатью и часом.

– А нашли когда?

– Сегодня. Около двух дня.

– Кто нашел?

– Да какой-то алкаш из их компании. Получил пенсию, накупил на радостях водки и явился... Ему не открыли, но дверь оказалась не заперта. Он и отправился хозяев искать. И нашел Ленку.

– А Степана в квартире не было? – уточнил Дима.

– Не было, – склонила голову Надя.

– Хотя обычно эта парочка неразлучна, – сказал Полуянов. – Не помнишь, что ли? Он только на работу один и ходил, а по магазинам или бухать на лавочке – всегда вместе с Ленкой.

– Ну, может, он и был на работе, – неуверенно произнесла Надя.

– А сейчас тогда где? – хмыкнул журналист. – Если уже сутки прошли?

– Вот и менты думают, что Степан ее убил... – вздохнула Митрофанова. – Вбили себе в голову самое простое – и уперлись рогом...

– Надюшка, да не уперлись они! Просто знают контингент! Убийство с пьяных глаз – в этих кругах обычное дело.

– Нет, ты подожди, – упрямо покачала головой Митрофанова. – Сказать тебе, *чем* Ленку задушили?

– Ну, скажи.

– Веревкой. Новенькой.

– И что?

– Говорю же: новенькой. Только что из магазина. Специально, видно, принесли. Разве это не странно?

– Абсолютно, – фыркнул Дима. – Степан, верно, ее и купил. Я и сам сколько раз готов был ее придушить, когда Ленка твоя по пьяни в три часа ночи начинала невпопад Малера грохотать.

– А еще, – не сдавалась Надежда, – в спальне CD-проигрыватель нашли. Тоже «нулевой». А в нем – диск. С колыбельной Дворжака. – Она триумфально взглянула на Полуянова и добавила: – Я, между прочим, вспомнила! Ленка эту колыбельную на выпускном вечере в своей музыкальной школе играла! И получила пятерку с плюсом и рекомендацию в музучилище!

– Ну и что? – пожал плечами Полуянов.

– Как – что? Во-первых, ты видел бы их квартиру! Все грязное, ужасное, лампочки голые, и тех половина разбита. И бытовой техники никакой, даже телевизора. А тут вдруг – проигрыватель. Недешевый. Откуда он взялся?

– Пфу! Да откуда угодно! Скажем, Степан получил зарплату и не успел ее одномоментно пропить. Решил подруге подарок сделать. Он ведь любил твою Ленку? Вот и решил ее порадовать.

Спрашивал Дима без всякой задней мысли – и с изумлением заметил, как вдруг помрачнела Надежда. Брови слетелись к переносице, губу закусил... Что это, интересно, с ней?!

И ответила Надька странно. То все защищала свою незадачливую одноклассницу, а тут вдруг сердито буркнула:

– Да не стал бы он ей такое дарить. Разве б она оценила? Сам говоришь, для таких, как Ленка, лучший презент – бутылка водки.

Так-так, подруга. А что тебе, интересно, до Степиных подарков Ленке? Не все ли равно, что тот ей презентует?

Но форсировать ситуацию Дима не стал: только *разбор* им с Надеждой сейчас не хватает. Притворился, будто ничего не заметил, и продолжил:

– И эта колыбельная, как его... Дворжака? Еще, по-моему, элементарней. Слушала ее твоя подруга и вспоминала свое блистательное прошлое. Умилялась своим давним успехам. А что, обычное дело. Даже я до сих пор свой первый «гвоздь» перечитываю. Особенно умиляюсь ему подшофе.

– Вот именно, что *ты* берешь и перечитываешь! И Ленка могла бы *взять* диск и его поставить. Своими, ясное дело, руками! – триумфально выкрикнула Надя. – Но знаешь, что странно? Ни на проигрывателе этом, ни на диске – он, кстати, тоже абсолютно новый – нет ни единого отпечатка пальцев. Ни ее, ни кого-то еще. Я случайно подслушала: менты говорили. Абсолютно чисто. Как это может быть?

– Ну, мало ли как... – буркнул Дима.

Разумного объяснения в голову, по крайней мере с ходу, не приходило. Но искать его тоже не хотелось. Уже надоело – просто смертельно! – перемывать кости безвременно почившей Елене Коренковой. А еще пуще – квохтать вокруг шмыгающей носом Надьки. Нужно десять раз подумать, прежде чем бросаться в пресловутую семейную жизнь. Женись он на Митрофановой – это ж ведь ее всегда утешать придется? И когда неприятности в библиотеке, и когда она беременной будет ходить, и когда дети станут болеть? Это ж голова распухнет от ее постоянного нытья...

И Дима беспечно предложил:

– Слушай, Надюшка! А пойдем-ка мы с тобой спать! Утро, как говорится, вечера мудренее. Завтра, на свежую голову, все еще раз обсудим...

Признаться, даже обидно, что Митрофанова так и не расспросила про совместный отпуск, хотя он и намекнул, да весьма прозрачно. А ей будто все равно... Поехать, что ли, одному на сафари?

– Значит, ты не хочешь разбираться в этом деле... – вздохнула Надя.

Дима по-прежнему не сомневался: *разбираться*, то бишь устанавливать убийцу, здесь нечего. Ежу понятно, что сожигатель Степан Елену и грохнул.

А вот если, например, написать большой психологический очерк... Рассказать на Ленином примере о том, до какой степени хрупок талант. И как часто те, кого когда-то называли гениями, заканчивают свою жизнь непризнанными, в алкогольном бреду, на грязных простынях...

Куда интересней будет и самому, и читателям. К тому же объем не жалкие двадцать строк в криминальной хронике, а верная полоса. А значит – деньги и слава. Вот она, гениальная мысль!

И он серьезно ответил:

– Может, Надька, я и возьмусь за расследование. Вычислю убийцу. Если, конечно, ты себя хорошо вести будешь.

И на душе сразу полегчало, когда подруга просияла и кинулась ему на шею.
Обманул, конечно, ее немного, но семейный покой того стоит.

Глава 3

Иван Адамович

Ему все чаще казалось, что школа вымирает. Настоящая жизнь – добрая, яркая, благородная – плавно уходит в прошлое. И остается, велением фотографов, лишь на старых снимках.

Не то чтобы Иван Адамович осуждал современные реалии. Он неплохо относился к Земфире, добросовестно прочитал обо всех приключениях Гарри Поттера и даже, по примеру продвинутых старшеклассников, приобрел сотовый телефон с MP-3 плеером, а также снабдил аппарат гарнитурой «хэндс-фри».

Историк, умный человек, понимал: каждой эпохе – свои кумиры, больше того, этих эпох за собственную жизнь переживаешь далеко не одну. Сам он вырос на «Битлах», институт прошел уже под совсем другую музыку – беззаботных «итальянцев». Когда начал работать, страна сходилась с ума от «Кино» и «Наутилуса». А сейчас, в двадцать первом веке, и к «Фабрике звезд» пришлось притерпеться. Полный, конечно, примитив, но раз девчонки из подопечных ему классов через одну вздыхают по пустоголовым и безголосым певцам, значит, это уже *явление*. А явление никогда нельзя игнорировать – можно лишь изучать.

Но ладно примитивная музыка или «Война и мир» в виде комиксов. Беда-то в том, что молодежь и чувства упростила донельзя. Что там собственное отрочество – еще первые его школьные выпуски действительно влюблялись. По-настоящему, глубоко и горько. Страдали. Готовы были даже умереть за настоящее чувство. А нынешнее юное поколение? Вся любовь сводится лишь к двум постулатам. Во-первых, найти партнера *побогаче*. А во-вторых, подобрать надежные противозачаточные таблетки. Разве это не грустно?

И все его выпестованные годами рассказы – про Наполеона и Жозефину, Петра и Февронию, да даже про современника Горбачева с его Раисой Максимовной, все чаще и чаще наталкивались на глухую стену непонимания.

Сегодня же, когда учитель, как всегда, горячо декламировал про королеву Марго с ее страстью к Ла Молю, один из ученичков и вовсе выдал:

– Иван Адамыч! А чё вы эту ботву гоните? Она что, тоже в ЕГЭ входит?

И о чем после этого с ними можно говорить? Только подготовить к пресловутому обезличенному ЕГЭ и забыть.

...Еще лет пять-семь назад Иван Адамович после уроков всегда в школе задерживался. С одним провести дополнительное занятие, другого пожурить, третьему – подсказать... А если заходят в кабинет истории девчонки-старшеклассницы, то и немного себе нервы пощекотать. Мимолетно коснуться руки, вдохнуть юный запах, случайно прижаться к молодому плечу... Адреналин! Кровь кипит!.. И – точный расчет. Выбрать такую, чтоб не к мамаше в рыданиях помчалась, а гордилась бы, что с ней на равных и тет-а-тет ведет беседу сам молодой и загадочный, а-ля Байрон, историк.

Нынче же дивчины смотрят на него, как на пустое место. В их накрашенных глазах читается: «Подумаешь! Учитель!» Калькуляторы, встроенные в молодые головки, мигмом высчитывают и его зарплату (куда ниже средней по Москве), и что продукты он закупает на оптовом рынке, и живет в однушке-панельке без всяких перспектив на расширение жилплощади.

А сам Иван Адамович теперь сразу после уроков спешит домой. Только квартира в нынешней жизни и остается его крепостью, где все устроено по собственному вкусу. Где

нет места ни пустоголовому телевизору, ни радио с его горе-хитами и банальным трепом, ни бездумным книжкам в мягких обложках.

Умный человек, даже если он одинок и работает лишь полдня, всегда найдет чем заняться. Качественная литература, проверенная годами музыка, задачки из занимательной математики, наконец...

И, конечно, фотографии. Его выпускников. Давних. С кем он чувствовал себя на одной волне.

Были, конечно, и среди них *паршивые овцы*. Меченые. Порочные до мозга костей. Но – Иван Адамович с каждым годом убеждался в этом все сильнее – жизнь, как и история, всегда несет в себе высшую справедливость. Потому что с каждым годом все больше и больше этих порочных лиц оказывалось в траурных рамках.

Как, например, свежая жертва *рока* Лена Коренкова. Не наглядеться на нее, не нарадоваться.

Иван Адамович сегодня даже сумрака не стал дожидаться – едва вернулся из школы, еще до обеда, извлек из папки с фотографиями выпуск 1997 года. Снова и снова вглядывался в породистое, надменное, остроскулое лицо, обведенное траурной рамкой.

На фоне простоватых одноклассников Коренкова и правда выглядела инопланетянкой. Не такой, как все. Странно, что она со своим уникальным музыкальным талантом не училась в какой-нибудь спецмузшколе для особо одаренных детей, а ходила в обычную одиннадцатилетку. Сама Елена всегда объясняла, что не хочет тратить время на дорогу из Медведкова в центр, где располагались все подобные учебные заведения. Но Иван Адамович подозревал, что она не переводится в *спецуху* лишь потому, что *царить* в заказнике для юных талантов куда сложнее, чем в заурядной «районке».

Зато уж здесь, в типовом девятом-десятом-одиннадцатом «А», большей королевы не было. Коренкова – мало что талант и красавица, еще и одевалась всегда богато, стильно, с вызовом. Школьную форму в те годы как раз отменили, так что возможностей выпендриться на полную катушку у нее хватало. То явится на занятия в тунике и колготках в вызывающую клетку, плюс каблук сантиметров десять. То еле прикроет аппетитную попку мини-юбкой. Или ошарашит одноклассников с учителями пышным веером накладных ресниц и пурпурной помадой. И если остальным старшеклассницам завуч за подобные выходки всегда делала внушение, то Лену, творческую личность, она предпочитала не трогать. И коллег на педсоветах просила повнимательней относиться к «хрупкому таланту». Вдруг Коренкова обидится и взбрыкнет?.. И кому тогда выступать за школу на бесконечных творческих смотрах и межрайонных концертах?..

Учителя юный талант послушно баловали и пестовали. Покорно ставили мирные четверки за сочинение, где Печорин без всяких, конечно, литературных ссылок и доказательств назывался «последним снобом». И за нестандартную мысль, что до Урана от Земли куда ближе, чем до Луны.

Нахальная Ленка пыталась посягать и на его любимую историю. Впрочем, в те годы, середину девяностых, на нее только ленивый не посягал. Иван Адамович на нападки привык не обижаться, но с ними боролся. Аргументированно, продуманно, серьезно. Он всегда внимательно прочитывал всякие «Огоньки» вкуче с прочими рассадниками разоблачений. Анализировал очередную «горячую» новость, как правило, абсолютно бредовую. Вроде того, что Сталин от Гитлера за развал Красной Армии миллиард немецких марок получил. Продумывал контраргументы. И вполне успешно с новоявленными демократами дискутировал. С ним и директриса боялась схлестываться, и приятели по шахматному клубу не связывались. А уж самоуверенную школьницу на место поставить образованному человеку нетрудно.

Иван Адамович справедливо гордился, что без всяких примитивных оскорблений и двоек немало притушил коренковский нимб суперзвезды.

Невозможно забыть звенящую тишину, каковая сопровождала его рассказы. Или столь жаркие диспуты, что перепуганный охранник террористов пугался, в кабинет заглядывал. Как глаза у школьников горели, как ярко розовели щеки... Уж тогда-то, в девяностые, все девчонки – кроме разве что самоуверенной Коренковой – в большей или меньшей степени вздыхали по умному, острому на язык историку.

И девочки все были – как на подбор, загляденье. Взять хотя бы Надюшку Митрофанову. Вот уж настоящая русская красавица! Типаж, правда, не его, не худышка, – щечки розовенькие, бедра крепенькие, грудь приятной полноты, чего Иван Адамович как раз не любил. Но глаза – глубокие, наивные, полные любопытства – искупали все. А как слушала она его, как, нервничая от интересного рассказа, облизывала пухлые губки...

– Ты на историка, будто кролик на удава смотришь! – однажды подколола ее жестокая Коренкова.

Но Надя хотя с виду и простушечка, а в долгу не осталась. У Ивана Адамовича, который случайно подслушал их разговор, едва слезы умиления не выступили, когда Митрофанова спокойно ответила:

– На умного человека и посмотреть приятно.

– Да что в нем умного? Неудачник, трескун и балабол! – пригвоздила его суперзвезда.

– Будто твой Степка не дурак, – пожалала плечами Надя. – Удивительно ничтожная личность!

...Знала, умница, как ударить побольнее.

Степка – их одноклассник Степан Ивасюхин – давно уже стал посмешищем в глазах всей школы. Юноша-подросток – очень похожий на самого Ивана Адамовича в этом возрасте, по крайней мере, очки, прыщи и масса комплексов у него имелись – боготворил Коренкову. Помогал с уроками. Посвящал ей стихи. Таскал ее портфель. Терпел все ее выходки и придирки. Преданно ездил на ее концерты – даже в другие города, за свой (то есть родительский, конечно) счет.

Коварная Елена, ясное дело, всерьез его не воспринимала. Но так как с юных лет была расчетлива, то и не гнала. Царственно кивала, когда он первым делом решал (в ущерб себе) вариант ее контрольной работы. Охотно брала букеты. И даже изредка, раз в месяц, снисходила до того, чтобы прогуляться вместе в киношку – несчастный Ивасюхин каждый раз после такой милости сиял новеньким пятаком и просто испепелял свою богиню страстными взорами. А Коренкова, нимало не стесняясь, на его глазах кокетничала с другими одноклассниками.

У Ивана Адамовича, когда он замечал эти сценки, сжимались кулаки. Он даже пытался по-мужски поговорить с Ивасюхиным, втолковать неразумному, что тот на абсолютно неверном пути... Но как объяснишь безответно влюбленному, что объект его поклонения – полный ноль?

Все и тянулось: Ленкино хамство и тоскливые взоры безответно влюбленного Ивасюхина, пока за дело вдруг не взялась простушка-толстушка Митрофанова.

Иван Адамович так и не узнал, какая муха ее вдруг укусила. Прежде-то Надежда вела себя абсолютно так же, как прочие девчонки из класса, – на Ленку поглядывала с легкой завистью, на несчастного Ивасюхина – с презрением. Но буквально в один день все изменилось. И историк с изумлением заметил, что на перемене Митрофанова с Ивасюхиным дружной парочкой стоят у окошка. Тот, горячо размахивая руками, рассказывает однокласснице про ход планет и траектории астероидов. А Надежда преданно смотрит ему в глаза и едва ли не каждую минуту кивает.

«Может, она с девчонками поспорила, что всю перемену его вытерпит», – решил тогда Иван Адамович.

Но нет. После уроков Митрофанова с Ивасюхиным тоже ушли вместе. И на следующий день все переменки болтали – точнее, он разглагольствовал, а она его преданно слушала.

Далее последовали собственного изготовления пирожки, которыми Надежда, слегка смущаясь, угостила Степана, и весь класс это видел. А пару дней спустя он даже за ее парту пересел.

Одноклассники изумлялись и хихикали. Елена, как и положено королеве, сделала вид, что ничего не произошло. Правда, глаза у нее, когда она небрежным тоном велела Степану проводить ее домой, а тот спокойно сказал, что занят, были презлые.

Иван Адамович никак не мог понять, кто в сем любовном треугольнике дурак, а кто подлец, кто искусно притворяется, а кто ведет тщательно спланированную игру. Внешне же все выглядело вполне мирно: Степан обрел благодарную слушательницу, Надежда – преданного кавалера, а прекрасная Елена, по крайней мере с виду, даже и не расстраивалась, что ее бросили, – и без Ивасюхина ей поклонников хватало.

Одноклассники посудачили по поводу новой парочки да и переключились на грядущую городскую контрольную по физике и шедшие по всей стране концерты в рамках кампании «Голосуй или проиграешь». Вроде бы *новость* сошла на нет.

Но Иван Адамович не верил, что Коренкова проглотит подобное оскорбление.

И, как всегда, оказался прав...

Учитель еще раз взгляделся в ее холеное, полное презрения ко всем и вся лицо. Коснулся рукой им же нарисованной траурной рамки. Потом перевел взгляд на русые косы Нади. Остановился на напряженном лице Степана...

И с горечью подумал: «Вот это красиво! Вот это десять лет назад была любовь! Не то что у нынешних десятиклассников...»

Дима

Полуянов давно понял, что новую интересную тему надо *копать* очень быстро. Пока есть запал. И настрой. А начнешь рассусоливать, обдумывать, сомневаться – и сам не заметишь, как перегоришь. Или начальство подсуется, отправит тебя куда-нибудь на пресс-конференцию в мэрию. И прости-прощай острый проблемный очерк, станешь, как последний стажер, живописать успехи жилкомхоза по части озеленения столицы.

Поэтому следующим утром, едва Надюшка ускакала в свою библиотеку (за ночь ее горе по поводу смерти одноклассницы во многом благодаря Диминым постельным стараниям поутихло), он засел за телефон. Несколько звонков, часик в Интернете (свой лэп-топ Дима, как истинный семьянин, давно перевез в квартиру подруги) – и вот уже в редакции знают, что беспокоить по мелочам его нельзя, потому как на подходе очередной очерк-сенсация, а у него в руках – изрядно полезных телефонов.

К поиску информации Полуянов всегда подходил ответственно. Не жалел денег на подробнейшие, как легальные, так и левые, базы данных. Регулярно подкармливал знакомых оперов. Плюс каждый месяц выводил в кафешку простушку Аллочку из ЦАБа.хлопотно, конечно, и затратно, зато как бы иначе он всего к полудню раздобыл столько важнейших телефонов? Здесь и бывший классный руководитель покойной Коренковой. И номера нескольких одноклассников. И координаты ее педагога по специальности из музыкальной школы. И самое, наверно, важное – адрес и телефон Елениной матери (отца у Коренковой вроде бы не имелось).

Дима заварил себе очередную чашку кофе. Вышел с ней на балкон. Уселся в пластиковое креслице – его для комфортных перекуров на свежем воздухе Полуянову презентовала Надя.

Внизу, во дворе, шел своим чередом обычный рабочий день. Шумели в песочнице дети, на лавочках устало покуривали их затюканные мамы, деловито волочили сумки на колесиках бабули, стучали костяшками домино деды. Из трудоспособного населения представлены одни алкаши – на той же детской площадке уже сформировалась компания. Трое потасканных мужичков, несмотря на относительно ранний час, деловито разливают по пластиковым стаканчикам водку, открывают пенное на запивку. Один – видно, спонсор – говорит громче прочих, гостеприимно выкладывает на газету крупно нарезанную колбасу, ломает хлеб. Интересно, будь жива Коренкова, присоединилась бы она к сей компании? Событыльники жалкие, зато все, что нужно для счастья, имеется: и водка, и пиво, и закусь. Или же несостоявшаяся звезда считала себя выше примитивных дворовых тусовок? И принимала горячительные напитки только в собственной квартире, в компании более продвинутых алкашей?

Дима теперь жалел, что прежде не обращал внимания на дворовых пьянчуг. Вечно спешил да и не считал нужным на них глазеть. Вроде какие-то бабы среди них крутились, но входила ли в их число покойная Ленка?

Полуянов сделал себе «зарубку» – подойти к местным алкоголикам, разговорить их, расспросить. Но только не сейчас, не утром, когда еще полно дел, а то это публика известная. Все, что знают, если грамотно, конечно, спрашивать, выложат. Но лишь своему. То есть событыльнику. А пить с утра, да еще и сомнительную водку, Диме не хотелось. И так вчера перебрал, пока Надькины горестные излияния выслушивал.

Он поудобнее развалился в креслице, неспешно закурил... Красота! Мелочь, конечно, но куда приятнее вместо пустых кофейных банок, полных «бычков», пользоваться хрустальной пепельницей – ее на балкон поставила Надя. И наша хозяйственная каждый вечер ее вытряхивает и намывает.

Полуянов перевел взгляд с детской площадки на перспективу города, на дома, дорогу, машины. Денек явно разгорался жаркий, над столицей, несмотря на утро, уже висел смог, на относительно тихом, видном с балкона проезде Шокальского образовалась пробка. Школьный учитель Коренковой сейчас, скорее всего, на работе: горячая пора, июнь, у несчастных детей экзамены. В музыкалке, наверно, та же фигня. Вряд ли посреди рабочего дня отловишь и бывших одноклассников – небось прячутся, как положено приличным людям, в офисах. Алкашей-то среди их выпуска, Надька сказала, одна Ленка и есть. Ну и Степан – алкаш наполовину.

А вот наведаться к коренковской мамашке... Без звонка, потому что, если просить об аудиенции, она явно откажет... Заглянуть под любым предлогом в ее квартиру, попытаться понять (опытному глазу и пяти минут хватит), чем та живет... Идея, кажется, вполне здравая. Прямо сейчас можно отправляться. А насчет *легенды* даже не заморачиваться. Он что-нибудь, конечно, симпровизирует. По ходу.

Далеко. Степан

Когда Степан без всяких интеллигентских стуков вошел в добротную, окошки украшены резными ставнями, избу, армейский друг Мишка сидел за столом. Сосредоточенно, кончик языка наружу, перебирал какие-то тычинки-травинки.

Увидел на пороге сослуживца и безулыбчиво произнес:

– Я знал, что ты сегодня приедешь.

В первую минуту Степан опешил. В голове вдруг прокрутилось, что хотя и страшная глушь эти Калинки, а телевизоры наверняка имеются. И «Криминальную хронику» ловят. И, пока он путешествовал, по ящику вполне могли сюжет показать о трагической гибели несостоявшейся пианистки Елены Коренковой. И о Степане, скрывшемся с места происшествия жестоком убийце.

Вот тебе и край света... Неужели весь его хитроумный, тщательно продуманный план потерпел крах?..

Но Мишка вдруг улыбнулся и позвал друга:

– Подойди сюда! Ты будто по заказу. Только глянь, что я сегодня в степи нашел!

Степа послушно приблизился. Подозрительно взглянул на чахлую, почти убитую засухой травку. И в чем, хотелось бы знать, здесь кроется причина для восторгов?

– Это же собачья петрушка! – восхищенно доложил сослуживец. – Ты просто не представляешь, какая она редкость!

На душе у Степана отлегло. Как он мог забыть, что Мишка – чудной? Ничего сослуживец, конечно, не знает. И знать не может.

– Что мне твоя петрушка! – улыбнулся в ответ Степан. – Ты лучше огурчиков выставь. И картошечки, если есть. А выпить я привез. И колбасу сырокопченую. Из самой, между прочим, столицы.

Про колбасу, кстати, было вранье. Палку «Брауншвейгской» весьма сомнительного вида Степан приобрел в вагоне-ресторане.

Мишка наконец соизволил встать. Отодвинул свои растения. И заключил друга в объятия. Они, удивительно для такого хлюпика, оказались крепкими. Хлопал его по спине и повторял:

– Молодец, Степан! Приехал! Не наврал! И правильно: что там в твоей Москве! Клоака! А здесь – ох и красота! Чего я тебе покажу! В наших степях какие только изумительные экземпляры не попадаются!

И у Степана впервые за последние сутки потеплело на душе.

Дима

Он не сомневался, что в квартире Коренковой-старшей его ждет траур. Пусть и не в виде классических атрибутов вроде накрытой куском хлеба стопки или задернутого черным платком зеркала, но мать погибшей молодой женщины наверняка встретит его слезами. Или упреками – о, как они, особенно безосновательные, помогают в горе.

...Действительно, женщина, распахнувшая ему дверь, вид имела изможденный. Покрасневшие глаза, отчетливо проступившие морщины, затрапезный, не самый чистый халатик. Весь ее вид говорил: *моя собственная жизнь, жизнь для удовольствия*, давно кончена. И теперь я *просто несу свой крест*. Хотя на вид ей еще и пятидесяти не было. А если и было, то совсем с небольшими «копейками».

Женщина хмуро уставилась на Полуянова. На лице ни искры интереса к молодому, широкоплечему мужчине. Спасибо, что хоть дверь открыла, а не допрашивает его через цепочку.

И Дима с места в карьер начал:

– Галина Вадимовна, я хотел бы поговорить о вашей дочери.

Сейчас, может, расплачется?

Однако в лице Коренковой-старшей не дрогнул ни один мускул. Только рот дернулся в подобии саркастической усмешки:

– Вы мне можете рассказать про нее что-то новое?

У Полуянова внутри все заглохло. Ну и дела! Может быть, она еще не знает? Ей не сообщили?... Неужели это ему сейчас придется выступить скорбным вестником?!

Дима пробормотал:

– Нет, Галина Вадимовна, ничем новым я вас порадовать не смогу...

Он чуть не впервые за журналистскую карьеру смутился. Не нашел слов, чтоб продолжить.

Смутить молодого, симпатичного мужчину для дамы постбальзаковского возраста – это полный кайф. Взгляд женщины мгновенно потеплел.

– Проходите, – скупно улыбнулась она.

И лишь когда Дима оказался в сумрачной прихожей и за его спиной захлопнулась входная дверь, заинтересовалась:

– А кто вы, собственно, такой?

– Дмитрий Полуянов, обозреватель газеты «Молодежные вести», – представился он.

И явно растрепанную дамочку изумил.

– Чем же я могу быть полезна вашей газете? – с некоторой даже долей кокетства вымолвила она.

Странное поведение для женщины, только что потерявшей единственного ребенка.

И Полуянов осторожно, словно по ледяной воде ступая, повторил свой заход:

– Меня интересует ваша дочь.

– Господи, да что же в ней может быть интересного для широкой аудитории? – всплеснула руками Галина Вадимовна. – Я имею в виду – сейчас?!

– Ну как... Ее дар. Ее победы. Ее – пусть не всегда удачная – музыкальная карьера... – тактично произнес Полуянов.

Галина же Вадимовна мгновенно погрузилась:

– А... я поняла. Вы, значит, про Ленку поговорить хотите...

И голос сразу сделался абсолютно нейтральный. Будто о совсем постороннем человеке говорит.

У Димы в памяти тут же всплыла заметка из его же газеты, из «Молодежных вестей» десятилетней давности, не далее как сегодня утром он вытащил ее из компьютерно-интернетского архива. То был бравурный отчет с всероссийского конкурса молодых пианистов. Восхваление его блистательной победительницы Елены Коренковой. И трогательное упоминание о маме юной пианистки, которая, когда дочери вручали Гран-при, не могла сдерживать слез...

...А сейчас, когда дочь погибла, мама лишь сухо интересуется:

– Неужели нашли, кто ее убил?

Дима – его всегда занимали *не такие, как все*, люди – с изумлением уставился на женщину.

– Только не надо на меня вот так смотреть, – поморщилась Галина Вадимовна.

– Извините... Примите мои соболезнования... – пробормотал Полуянов.

– Не нуждаюсь, – отрезала собеседница. И добавила: – Если вы не в курсе, то объясню. С Еленой мы не общались. Вообще. Не виделись, не разговаривали. Тому лет пять как. Я ее, говоря красиво, вычеркнула из своей жизни. И ни единый человек – кто был знаком, конечно, с тогдашним поведением моей дочери – меня не осудил. – Женщина вскинула голову и резко произнесла: – Поэтому и весть о ее гибели, как ни жестоко сие звучит, оставила меня равнодушной.

– Во как... – не удержался Дима.

А Галина Вадимовна со все возрастающим пафосом завершила свою речь:

– У меня нет больше этой дочери.

«А голос, если она заведется, у нее сильный. Будто колокол. Могла б в оперные певицы пойти», – мелькнуло у Полуянова.

У него аж в ушах от последней громкой реплики зазвенело. А из недр квартиры вдруг раздался жалобный, тонкоголосый плач.

И Галину Вадимовну будто подменили. Только что жесткое, безжалостное лицо осветилось счастливой улыбкой.

– Маська! – радостно пробормотала она.

И со скоростью, сделавшей бы честь любой спортсменке, ринулась из коридора прочь. Удивленный Дима не стесняясь двинул за ней. И в сумрачной, на окнах плотные шторы, гостиной застал идиллическую картину: Галина Вадимовна, волшебным образом помолодевшая, глаза сияют, качала на руках маленькую девочку. Светлые кудри, худенькие ручки-ножки, пижама с россыпью сказочных медведей. В детском возрасте Полуянов не разбирался, но ребенку, кажется, было не больше двух лет.

– Баю-баюшки-баю, – пропела красивым голосом Галина Вадимовна. И на тот же мотив закончила: – Жди-те в кухне, я при-ду!

Полуянов повиновался. Прошел на кухню, плюхнулся на единственную свободную табуретку – остальные были завалены игрушками, надкушенными яблоками, перепачканной детской одеждой.

Он осмотрелся – типовые российские шесть метров. Убирать здесь, конечно, пытались, но ремонта явно не было уже лет двадцать.

Дима подавил жесточайшее желание закурить. Ну и ну, вот так семейка! Кем, интересно, эта маленькая девочка приходится Галине Вадимовне?

Его взгляд упал на прикрепленный к кухонной стене альбомный листок. Он изображал солнце – весьма кривобокое, с хаотично размещенными лучами. А под ним – еще более неуверенная надпись: «МАМАЧКЕ».

Мама? Но позвольте, уж пятьдесят-то Коренковой-старшей точно есть! А девочке – никак не больше трех!

За спиной зашелестели шаги. Журналист обернулся – на пороге стояла Галина Вадимовна. Она тут же приложила палец к губам, еле слышно попросила:

– Пожалуйста, очень тихо... У Маськи такой чуткий сон...

И Дима, тоже шепотом, потребовал:

– А кто она, эта Маська?

– Как кто? – изумилась женщина. – Дочь. – И голосом подчеркнула: – Моя настоящая дочь. Долгожданная. Любимая.

Она гордо вскинула голову и, будто не с незнакомым журналистом разговаривает, а дает клятву ей одной ведомой высшей силе, произнесла:

– И уж с ней-то все будет хорошо. Костями лягу, но не допущу, чтоб как у Ленки!

Галина Вадимовна устало опустилась на соседнюю табуретку – прямо поверх лежащих на ней детских вещичек. Проницательно спросила:

– Вы, наверно, хотите курить?

– Мечтаю, – не стал врать Полуянов.

– Я тоже... мечтаю, – вздохнула она. – Уже больше тысячи дней как... Но – держусь. Чтоб не подавать Машеньке дурной пример...

– А давайте – пока она спит. По секрету, – ухмыльнулся Полуянов. И вытащил сигареты.

– Нет-нет, ни в коем случае! – всполошилась женщина. – Еще мне не хватало сейчас, когда столько всего позади, сорваться!

Жадно, будто алкаш на бутылку, взглянула на пачку «Мальборо» и попросила:

– Пожалуйста, уберите.

– Как скажете, – вздохнул Полуянов.

А Галина Вадимовна, будто оправдываясь, произнесла:

– Раньше... когда росла Леночка... я не сдерживалась. Считала, что имею право на личные, никому не подотчетные привычки. Что могу при дочери и курить, и выпивать. Только сейчас, к пятидесяти, я поняла: настоящая жизнь – это самоограничение...

Тут Полуянов был готов поспорить: он всегда считал, что лучше *совершить* что-нибудь порочное, нежели, как эта женщина, годами страдать и видеть запретный плод лишь во снах. Но дискуссию решил не затевать. Куда лучше воспользоваться тем, что разговор очень кстати свернул на Елену.

И Дима тихо спросил:

– Скажите... когда Лена начала пить?

– Очень рано. В пятнадцать, – жестко бросила Галина Вадимовна. И неожиданно добавила: – Все из-за нее! Ее подружки!

– Какой? – наострил уши журналист.

И в изумлении услышал:

– Да этой простушечки! Митрофановой!

– Надьки? – вырвалось у него.

– Вы ее знаете? – подняла брови женщина.

– Да нет, пока не знаю, – поспешно откестился от подруги Полуянов. – Просто списки выпускников смотрел. И слышал, что Надя с Леной были соседки. Ну и приятельницы...

– Не приятельницы – собутыльницы, – саркастически поправила его Галина Вадимовна.

Еще интересней.

– Не слишком ли крепкое определение? Для пятнадцатилетних девочек? – прищурился Полуянов.

– Для нее, Митрофановой, в самый раз, – припечатала женщина. – На ней уже тогда пробы негде было ставить.

Журналист еле удерживался, чтоб не расхохотаться. Это на Надьке-то, домашней девочке, негде ставить пробы! Да в пятнадцать лет! Ее и сейчас-то, в двадцать семь, на жалкий бокал мартини уболтать – целое дело. А не безумна ли, простите, Галина Вадимовна?

Хотя червячок сомнения, конечно, зашевелился. Как там великий Куприн писал? Что из раскаявшихся проституток получают самые лучшие жены? Может, это правда? Может, и Надежда теперь не пьет, потому что в юности свою норму перевыполнила?

И он осторожно произнес:

– Какая там в пятнадцать лет выпивка? Все мы что-то пробовали, конечно. И я тоже. У родителей в заначке литровая бутылка анисовой водки имелась. Парадная. Болгарская. Стояла на почетном месте в горке – как, помните, в застойные времена выставляли. Ну, мы с друзьями оттуда и отливали по граммулечке. И добавляли, чтоб родители не спохватились, воды. Представляете, какой через год скандал разгорелся, когда эту водку решили наконец на стол выставить?

– Не сравнивайте, – отмахнулась Галина Вадимовна. – Одно дело по тридцать или по сколько там у вас получалось грамм водки. И другое – как Надя Елену спаивала. Покупала бутылку ликера на двоих. Крепкого. Двадцать с лишним градусов. Продавались в те годы псевдонемецкие. «Грейпфрут-лимон» или вишневый. А еще джин с тоником только появился в жестяных банках. И они, – женщина опять начала повышать голос, – по три банки выпивали! Можете себе представить: такие девочки – и по три!..

– Каждая? – недоверчиво переспросил журналист.

Первый, только что появившийся в России джин с тоником в жестяных банках он тоже прекрасно помнил: сивуха, да еще изрядной крепости. Лично его с двух банок срывало с

катушек, а уж чтобы школьницы по три осилили – это и вовсе нереально. Чушь какую-то Галина Вадимовна несет.

Он решил зайти с другого бока. Заявил:

– Но позвольте... Если Митрофанова с пятнадцати лет так пьет – давно бы уже свою жизнь под забором закончила! Но она, я слышал, хорошее образование получила. Работает. Карьеру делает.

– И где же она рабо-отает? – с непередаваемой интонацией поинтересовалась собеседница.

Явно ожидала услышать, что как минимум в стриптизе или сомнительном массажном салоне.

– В библиотеке, – кротко улыбнулся Полуянов. – В историко-архивной. – И зачем-то добавил: – Между прочим, заместителем начальника зала всемирной истории.

Галина Вадимовна, кажется, была удивлена. И хотя пробормотала с сомнением: «Знаем мы этих... библиотекарей» – но задумалась. А потом вдруг произнесла:

– Значит, не зря мне всегда казалось, еще когда девочки школьницами были... – она запнулась.

– Что? – воззрился на нее Полуянов.

Женщина выдержала его взгляд. И твердо закончила:

– Что Митрофанова эта Лену специально спаивала. Она моей дочери всегда больше, чем себе, наливала. И не пьянела в отличие от Леночки...

Дима не удержался от смешка.

– А не слишком ли сложная комбинация? Для юной девочки?

– Не слишком. Потому что Митрофанова ради Степки на все готова была. Он ведь Лену мою любил! А Надежда из-за этого страшно злилась.

Полуянов в изумлении уставился на собеседницу. Неужели та не врет?.. И переспросил:

– Вы хотите сказать... что Надя была влюблена в Степана?

– Как кошка, – презрительно усмехнулась Галина Вадимовна. – На все была готова, чтоб его в свою постель затащить!

«Бред», – мелькнуло у Полуянова.

Но, с другой стороны, он только сейчас припомнил: Надя, *нынешняя*, уже взрослая, Степу не переносила на дух. Если сталкивались во дворе или в подъезде, в ответ на его приветствие она всегда бурчала что-то нечленораздельное. И очи уставляла в пол. Полуянов, наивный, всегда полагал, что чистенькой Надюшке просто алкоголики не нравятся. Неужели причина в ином? В любовном треугольнике?! Пусть давнем, школьном, но не зря ведь говорят, что у любви срока давности не бывает...

Интересные же новости он сегодня узнал про собственную без пяти минут женушку!

Впрочем, надо вытянуть из Галины Вадимовны как можно больше. И Дима спросил:

– Но где связь? Допустим, Надя действительно хотела отбить у Лены Степана. Зачем же для этого ее спаивать? По-моему, совершенно нелогично.

– А по-моему – как раз логично, – отрубила женщина. – У Степана оба родителя в бутылку заглядывали. Особенно мать. И потому он пьяных девушек просто на дух не переносил. Надя это прекрасно знала. Вот и подстраивала, чтобы Леночка, когда сильно выпивши, ему на глаза попадалась... И добились-таки своего! Получила Степана!

«Еще хлеще!» – мелькнуло у Полуянова. Однако вслух он произнес:

– Позвольте... но разве Надя его добилась? Разве получила? Ведь Степан, насколько я знаю, жил не с Надей, а с вашей Леной?!

– Да, – склонила голову собеседница. – В конце концов он покинул Надежду. И остался с моей дочерью. – И патетически добавила: – Но какую цену ей пришлось за это заплатить!..

На ее глазах выступили слезы. «Не до конца, значит, Леночку из своей жизни вычеркнула», – мелькнуло у Полуянова.

– Расскажите, – тихо попросил он.

– Лена... она ведь, когда поняла, что Степа ее на Митрофанову променял, убить себя пыталась... – прошептала Галина Вадимовна.

– Да вы что! – вырвалось у Димы.

У него просто голова кругом шла. На языке вертелись миллионы вопросов.

Но тут плотно прикрытая дверь в гостиную отворилась, и на пороге показалась давешняя девочка. Босиком, в пижамке, трет ручкой заспанные глаза.

– Маська! – кинулась к ней Галина Вадимовна.

– Мама! – радостно откликнулся ребенок.

Женщина подхватила ее на руки, прижала к себе. И строго велела Диме:

– Вам лучше сейчас уйти.

– Немедленно? – поднял бровь Дима.

Девочка на руках Галины Вадимовны устала в него пальчик и весело произнесла:

– Дя-дя!

– Привет, зайка! – со всей лаской, на которую был способен, улыбнулся Полуянов. И поинтересовался: – А сколько тебе лет?

– Дьва, – гордо ответила та. И уточнила: – Дьва года и девять месяцев.

– Ой, какая ты умница! Уже сколько цифр знаешь! – фальшиво изумился журналист. – И слово «мама» умеешь писать!

Девочка просияла в ответ. Потянулась к Полуянову. И он уже был готов подхватить ее на руки, когда Галина Вадимовна вдруг отрезала вмиг заледеневшим тоном:

– Мария. Нельзя.

И малышка немедленно сникла. Отвернулась от журналиста, опустила головку.

– А почему нельзя? – удивился он.

– Все, Мария. – Галина Вадимовна опустила девочку на пол. И велела: – Немедленно иди к себе в комнату.

Ребенок покорно повиновался, а журналист, едва она вышла, удивленно спросил:

– Ну зачем вы так строго?

– Потому что. Она должна с детства знать, что такое «нельзя».

– А по-моему, в Японии детям до шести лет вообще ничего не запрещают, – возразил Полуянов.

– Хватит уже. С Леной обожглась, – поморщилась Галина.

Встала и, не оглядываясь на журналиста, отправилась в коридор. Приглашающе распахнула входную дверь.

Диме ничего не оставалось, как последовать за ней.

– Я могу зайти к вам еще раз? – поинтересовался он на прощание.

– Не думаю, что это целесообразно, – пожала плечами хозяйка.

– Тогда хотя бы скажите, – попросил он. – Машенька, эта девочка... она вам кто?

– Я уже, кажется, сказала! – возмутилась Галина Вадимовна. – Дочь! Младшая!..

– Но, простите... ей ведь всего два года? Сколько тогда вам?..

– Сорок девять, – пожала плечами женщина. – А современная медицина, если вы не в курсе, позволяет рожать до шестидесяти.

– Что ж... в таком случае вы счастливая мать, – пробормотал журналист.

А Галина Вадимовна – она уже почти захлопнула дверь – на прощание горько усмехнулась.

Глава 4

Дима

Дима покинул квартиру коренковской мамы и немедленно совершил антипедагогичный поступок: устроился прямо в ее дворе на детской площадке и с наслаждением закурил.

Обычно он старался не развращать малышня табаком, но сегодня просто деться было некуда. Не торчать же в такую жару в подъезде или на солнце. А в «Мазде» Полуянов не дымил принципиально – хотел подольше сохранить пьянящий аромат новенького пластика и деталей, не забивать его сигаретным дымом. Да и Надежда ворчала, что, когда куришь, особенно на ходу, прожечь обивку – раз плюнуть, а зашить ее невозможно.

Впрочем, Надюха, тихоня и поборница здорового образа жизни, сегодня на своем пьедестале изрядно пошатнулась. Занудствует наша красавица умело, а у самой-то, оказывается, рыльце в пушку!

Понятно, конечно, что мать Коренковой во многом предвзята. И это легко объяснимо: ей нужен *враг*, человек, кого можно обвинить в гибели дочери. Вот она и выбрала на эту роль Надежду. Наверняка несчастная женщина не знает всех деталей. И во многом на Митрофанову наговаривает. Но не зря же в народе говорят: дыма без огня не бывает!

Вот тебе и примерная девочка! Выпивала. Да еще и мужиков отбивала у подруг, а ведь Дима самонадеянно думал, что он у Надюшки чуть ли не первый.

И что теперь?

Журналист с удовольствием перемигнулся с хорошенькой молодой мамашей, гонявшей по песочнице двух малышей и, как и он, смолившей сигаретку.

Будто сам в Надюхины годы не бесчинствовал. Помнится, в десятом однажды так с приятелем набрался, что их в вытрезвитель загребли. Вот потом были проблемы – в советские-то времена, которые Дима еще застал! Едва из комсомола не вылетел.

А тут, подумаешь, девчонки собирались и по-тихому бутылочку ликера распивали. Обычное дело. Не по библиотекам же им ходить в пятнадцать-то лет! А что его Надюха спасивала Коренкову – конечно, полная чушь. Ленкина мамаша просто не знает, на кого всех собак повесить.

Но от очерка о *безвременно погибшем таланте* он теперь ни за какие коврижки не откажется! Интересный материал может получиться. Да еще и открывается перспектива: между делом разведать как можно больше Надюхиных секретов. Вот уж никогда бы не подумал, что его подруга может иметь какие-то тайны...

И следующим номером Полуянов решил встретиться с классным руководителем Митрофановой и Коренковой, благо все телефоны учителя, а также домашний адрес у него уже имелись. Классный руководитель, Дима еще с собственных школьных лет помнил, – фигура весьма информированная. Его классуха, например, держала в голове не только дни рождения своих подопечных, но и могла перечислить по памяти имена всех родителей. Будем надеяться, что Иван Адамович окажется не менее памятьливым.

И Дима без долгих размышлений позвонил учителю на мобильный и назначил ему встречу через час.

Надя

Надежда Митрофанова сидела за стойкой своего читального зала всемирной истории и впервые за долгие годы работы готова была разнести родную библиотеку в клочья.

Бесило ее буквально все. И начальница, надменная дама с буклями крашенных синькой волос. И посетители – они в их зале, куда допускались только читатели с учеными степенями не ниже кандидата наук, сплошь нескладные, с отсутствующими взглядами, в нелепых, будто со склада Армии спасения одежках. А больше всего ее бесили книги – и уставленные энциклопедиями стеллажи, и заказанные из хранилища стопки, заполонившие все столы. Сейчас, ярким солнечным днем, они казались особенно нелепыми, далекими от жизни. Кому в нынешние времена нужны средневековые своды законов? Или переписка политических деятелей, почивших в бозе много веков назад?

Воистину в библиотеке культивируется какой-то выдуманный – или как минимум устаревший – мир. Многие посетители до сих пор величают сотрудниц «барышнями», телефон в их зале – принципиально старенький, с диском, в духе старых времен. (Надя давно добивалась, чтобы поставили нормальный, с антенной, но начальница подписывать ее требования в службу снабжения отказывалась наотрез.) И даже в буфете поныне продают пирожки за символические, из реальной жизни давно ушедшие цены – это уже инициатива директора. Он из государственных денег выдает поварам субсидии и декларирует, что таким путем возвращает у молодежи интерес к культуре. А также поддерживает, хотя бы свежей выпечкой, материально стесненных профессоров.

В буфете с почти бесплатными пирожками и правда всегда не протолкнуться. Публика, в отличие от многих библиотек, куда ходят в основном дамочки, разнополая – на *халыву* слетаются голодные студенты со всей Москвы. Но что, простите, здесь за ужасные разговоры! За одним столиком Таис Афинскую обсуждают. За соседним – дольмены. За следующим – о государственности в средневековой Франции до хрипоты спорят.

Разве нормальные люди сейчас, жарким июнем, говорят о государственности?.. Те, у кого мозги на месте, нынче погоду на курортах обсуждают. Или, укрывшись под сенью ив где-нибудь на подмосковном водохранилище, отдыхают с холодным пивком. А зануды, в чьем обществе она по воле рока вынуждена находиться, хлеблют ужасный тепловатый кофе из огромного чана и выясняют генеалогическое древо давно сгнившей афинской гражданки...

И ведь раньше – не далее как вчера! – Надю все в ее жизни устраивало! Интересная работа, интеллигентная публика, да и зарплату в последний год изрядно прибавили. Ей нравилось мимолетно общаться и слегка кокетничать с маститыми профессорами. Она любила даже просто так, без дела прогуляться по огромному, прохладному, глубоко под землей книгохранилищу. Да и дешевые пирожки из буфета с удовольствием уплетала – еще и для Димки с собой брала. А сегодня вдруг ощутила себя будто в тюрьме.

Даже бывший школьный учитель Иван Адамович – он хотя и не кандидат наук, но по Надиной протекции получил читательский билет в ее зал, – едва вошел, сразу заметил, что она сегодня не в духе. Вместо того чтоб книги заказывать, сочувственно спросил:

– Плохо себя чувствуешь, Надюша?

Пришлось списать все на Ленку:

– Да из-за Коренковой переживаю. Вы ведь знаете, что ее убили?

– Знаю, – тут же погрузнел учитель. – Несчастливая девушка. Трагическая судьба...

Опять, как у всей нынешней публики, лживые, насквозь *неживые* слова.

Надя, не скрываясь, поморщилась. Еще не хватало с *ним* Ленкину незадавшуюся судьбу обсуждать.

Она спешно перевела разговор на другое. Взглянула на часы – всего-то полдень – и спросила:

– А вы чего не на работе?

– Никому стал не нужен в рамках ЕГЭ, – грустно усмехнулся учитель. И объяснил: – История как экзамен теперь по желанию. У меня из всех выпускников ее только трое будут сдавать. Ну и каждый, разумеется, – очередная мученическая ухмылка, – готовится к нему со своими собственными, институтскими, преподавателями. А я оказался не у дел.

«А ты б, конечно, *готовить* их сам предпочел, – злобно подумала Надежда. – Особенно девчонок. В сумерках да в пустом классе. Какие там тебе всегда нравились? Блондинки, да чтоб скромницы, да похудее?..»

И немедленно сама себя осадила: ну что у нее сегодня за настроение? Подумаешь, нашла врага – безответного, все лицо в мелких шрамиках и очки с толстенными стеклами, историка...

Неужели это ее Ленкина смерть настолько из колеи выбила?

И чего переживать? Тем более что когда-то – в смысле, еще в школе – она *мечтала*, чтобы Коренкова погибла. И даже перед сном, ваяясь в постели, рисовала в уме всевозможные варианты ее убийства...

Сейчас об этом даже вспоминать смешно – настолько они с Еленой в последние годы шли автономными, абсолютно не пересекающимися курсами. Но все равно тяжело думать, что в ослепительный летний день бывшая одноклассница, очоленевшая и теперь уж точно никому не нужная, лежит в морге.

Вон и Иван Адамович, хотя и не от мира сего, а тоже переживает. Набрал редких талмудов по Возрождению – каждый страшный дефицит, в единственном экземпляре, она их для него тоже по благу без очереди добыла, – а сам сидит, бездумно в окошко смотрит. А потом и вовсе вдруг схватился за телефон (аппарат, как и положено в библиотеке, стоял на виброрежиме) и пулей выскочил из зала. На пороге нажал на прием, и, пока за ним не захлопнулась дверь, Надя услышала:

– Кто-кто? А с какой стати вы меня беспокоите?

Но хоть он и возмущался, что беспокоят, а талмуды свои сдал тут же, как из коридора вернулся. И спешно убежал.

Даже такому книжному червю в библиотеке не сидится. А ей, Наде, – молодой, современной, мобильной девушке – каково?!

Дима

Он давно уже не видел таких квартир – будто отправился на машине времени в восьмидесятые годы прошлого века. Ни единой приметы современной жизни! Обувь на коврике в прихожей старинная, «скороходовская», зонтик на облупленной подставке – ветхий, протертый до прозрачности, и даже пахнет тут каким-то «Эдельваксом», Дима этот запах с детства помнил, мамочка им полы намывала.

Не веселее оказалось и в ванной, куда Дима с позволения хозяина отправился сполоснуть плававшее после уличной жары лицо. Посеребшая от времени сантехника, переплетенная сеткой трещин, кусок хозяйственного серого мыла и даже зубная паста, только подумать, «Ну, погоди!».

...А Надя, помнится, когда-то упоминала, что в ее классе все девчонки были в историка влюблены. Наивные в те годы были старшеклассницы! Прекраснодушные... Интересно, способна хотя бы одна из *нынешних* выпускниц потерять голову от подобного экземпляра?

Хозяин квартиры, историк, еще с порога показался Полуянову каким-то *замшелым*. И непонятно, за счет чего такое ощущение создавалось. То ли из-за клетчатой, с явным душком нафталина ковбойки. То ли потому, что волосы у него стрижены давно и, несомненно, в социальной парикмахерской. А скорее – из-за выражения глаз. Хотя они и скрыты очками с толстыми стеклами, но все равно не ошибешься: перед тобой – неудачник. Человек, не вписавшийся в новую, динамичную и хлесткую жизнь. Дима таких за свою журналистскую карьеру повидал немало. Уволенные советом трудового коллектива собственных заводов директора. По разным причинам пропустившие раздачу слонов бывшие работники райкомов и исполкомов. Не очень удачливые артисты...

А этому Ивану Адамовичу, наверно, еще сложнее, чем несостоявшемуся директору или артисту. Тем хотя бы на хлеб хватает, а у школьных учителей зарплата известно какая. И репетиторы из средней школы сейчас никому не нужны...

Хотя интереса к предмету Иван Адамович явно не утратил. Вся скромная однокомнатная квартирка усыпана журналами-книгами, шкафы переполнены, талмуды вдоль стен стопками теснятся. А на журнальном столике – таком же, как и все здесь, ветхом – Дима с изумлением заметил стопку изданий по занимательной математике. Помнится, он сам в школе, классе в восьмом, пока активно не взялся за пиво и девчонок, такими увлекался, решал прикольные задачки, ломал башку над парадоксальными примерами... Но с тех-то пор, извините, минимум двадцать лет миновало! Занимательная математика, принадлежавшая Полуянову, давно уже истлела на свалках, а историк, раз брошюры на столь удобном месте лежат, явно продолжает кайфовать над хитроумными задачками. Интересный человек!

Дима устроился в единственном имевшемся кресле (изрядно продавленном) и широко улыбнулся:

– Большое вам спасибо, Иван Адамович, что согласились меня принять.

Историк – он разместился подле, на стульчике, – слабо улыбнулся в ответ:

– Я просто воспитан... на уважении к прессе... тем более к вашему орденоносному изданию... Очень зря вы, кстати, пошли на поводу у общественности и переименовались...

На Димин взгляд, название «Молодежные вести» звучало куда веселее, чем прежнее – «Комсомольский вестник», но спорить он не стал. Историк, впрочем, и не ждал, что журналист втянется в дискуссию. Он снял свои массивные очки. Нервно протер стекла поллой ковбойки. И осторожно поинтересовался:

– По телефону вы сообщили, что хотите поговорить по поводу смерти Леночки... Лены Коренковой, моей выпускницы... – Его лицо болезненно исказилось. – Я, безусловно, поражен ее безвременной гибелью, но не совсем понимаю, чем могу быть вам полезен...

Дима молчал. Не чинясь глазел на историка и его уставленную книгами квартиру. А тот под пристальным взглядом журналиста терялся все больше и больше.

– Ведь Леночка... Елена закончила школу десять лет тому назад... И с тех пор мы с ней виделись от силы пару раз, на встречах выпускников...

«А ведь врешь, – отметил про себя Полуянов. – Жили-то в одном микрорайоне. Неужели никогда у метро не сталкивались? Или возле магазина, или в поликлинике?»

– Я, конечно, могу рассказать вам о ней. О той девушке, какой она была в школе в те времена, когда мы встречались почти ежедневно... Но с тех пор утекло столько воды... Да что там: весь мир изменился. – Учитель нервно хрустнул пальцами.

– Ну уж вам как историку должно быть известно, – тонко улыбнулся журналист, – что радикально мир измениться не может. И еще, что очень часто корни преступлений кроются в далеком прошлом. Давняя обида, застарелая ревность, годами взлелеянная месть...

Лицо Пылеева закаменело:

– Я не понимаю, о чем вы.

– Да пока ни о чем, – вздохнул Дима. – Просто пытаюсь разобраться...

– Хотите лично изобличить убийцу? – насмешливо поинтересовался историк.

«А ты не такой уж и тормоз!» – мелькнуло у Димы.

И он кротко ответил:

– Нет, что вы. Куда мне! С этим, я надеюсь, профессионалы из органов разберутся... Меня другое волнует: почему Елена стала такой? Почему она – давайте посмотрим правде в лицо – спилась? Ведь в школе, мне сказали, девушка подавала огромные надежды...

– А на мой взгляд, история вполне заурядная, – пожал плечами его собеседник. – Я могу вам привести массу подобных примеров. Понимаете... она, Леночка... ей, наверно, не стоило учиться в нашей школе...

– Почему? – изумился Дима.

– Да потому, что у нас она слишком рано стала звездой. Как сейчас помню ее выступление на новогоднем школьном концерте, классе в шестом... Она, кажется, всего лишь попури играла. Из модных тогда песенок. Но играла замечательно, молодежь, как говорится на ее языке, была в полном отпаде. Тут же дружно и окрестили ее: «Бе-ше-ный талант!» Так и стали с тех пор ее звать на полном серьезе. Первоклашки – те и вовсе подбегали автографы просить. А Елена, конечно, не возражала.

Историк вновь снял очки. Подышал на стекла, очень неспешно протер их полкой фуфайки. Дима не торопился, терпеливо ждал, пока тот водрузит свои стеклышки на нос. Какая, интересно, у него близорукость? Судя по толщине окуляров, минимум минус семь. *Мальчишек* в Димины годы за такие украшения *водолазами* дразнили. А в молодых очкариков-учителей девчонки и верно в те времена влюблялись...

Иван Адамович вздохнул, задумчиво продолжил:

– Знаете... Я однажды не поленился и сходил на отчетный концерт в Гнесинскую музыкальную школу, где Леночкины ровесники учились... Я в музыке, конечно, не специалист, но рассудил, что необходимый минимум воспринять смогу. Воспринял. И сделал для себя выводы. Да. Лена, безусловно, была звездой. Ее беда лишь в том, что таких звезд на небосклоне – миллионы...

– Вы хотите сказать... – протянул Дима.

– Я хочу сказать, что, на мой непросвещенный взгляд, – историк внимательно посмотрел на журналиста, – она играла не хуже многих. И только.

– Скажите, – резко сменил тему Полуянов, – когда Лена начала пить? Я имею в виду пить серьезно. *Спиваться*?

– Утверждать наверняка не могу, – пожал плечами историк. – Но, полагаю, года в двадцать два – двадцать три. Когда закончила музыкальную школу и в очередной раз провалилась на вступительных в Гнесинское училище.

– Вот как?... – протянул Дима.

Не стыкуется, ох не стыкуется...

Мамаша Коренковой ведь говорила, что крепко зашибать дочка начала еще в школе. С Надиной – все-таки это смешно! – поддачи. И в ее компании.

Да, и еще одна неувязочка. Иван Адамович, помнится, утверждал, что с Еленой после того, как девушка закончила школу, практически не общался. Почему же тогда он столь уверенно говорит про экзамены в училище?

Что ж. Будем разбираться.

– А у меня есть сведения, – осторожно начал Дима, – что Леночка уже в старших классах хорошо выпивала. На пару с какой-то одноклассницей, не помню фамилию...

Он испытующе уставился на историка и в изумлении наткнулся на веселую, чуть мечтательную улыбку.

– Вам уже рассказали! – тонко усмехнулся Иван Адамович.

– Вы имеете в виду...

– Да эту дурацкую историю с рестораном... У нас вся школа над ней потешалась!

– Боюсь, что не понимаю, о чем вы, – пробормотал Дима.

– Ох, да обычное для подростков дело! – вновь расплылся в улыбке историк. – Они же все такие, в свои шестнадцать-семнадцать... Живут-живут спокойно, учатся, готовятся в институты, бегают по киношкам – и вдруг будто муха какая их кусает. Осеняет: я, мол, живу неправильно, скучно, жизнь коротка – и та проходит мимо... Тем более тогда время какое было. Девяносто седьмой год, накануне кризиса, очередное перераспределение капитала, «шестисотые» «Мерседесы», собольи шубы, билеты по тысяче долларов на группу «Скорпионы»... – Учитель задумался, замолчал.

– И что? – поторопил его Дима.

– А то, что как-то случилась в нашей школе изумительная история... Рассказать?

– Конечно, – кивнул Дима.

Доставать блокнот или диктофон он не стал – не хотелось спугнуть учителя. Но историк, казалось, его уже и не видит. Глаза Ивана Адамовича затуманились мечтательной пленкой. Он явно *улетел* в давний мир, когда был молодым, нужным и более успешным.

– Однажды после уроков две хорошие, в общем, девочки, Лена Коренкова и Надя Митрофанова, пришли к сакраментальному выводу: все вокруг примитивно и все надоело. Нужно срочно развеяться. А как? И девушки, недолго мудрствуя, решили отправиться в ресторан. Вдвоем. Словно светские дамы. Принарядились, накрались...

Полуянов еле удержался, чтоб не хмыкнуть. Против воли представил юную, семнадцатилетнюю, но уже пухленькую Надю в расшитых стразами джинсах, электрического цвета водолазке и с намазанными ресницами. Помнится, в то время десятиклассницы *наряжались* именно так.

А историк продолжал:

– Опыта посещения ресторанов у девушек, разумеется, никакого не было, и потому они выбрали одно из самых значных мест у нас здесь, в Медведкове. На первом этаже жилого дома. «Три подковы», кажется, ресторан назывался – в кризис девяносто восьмого года погорел... Итак, юные особы являются в обеденный зал. И, шикую, для начала заказывают шампанское. Разумеется, целую бутылку. А для пущего впечатления приобретают пачку сигарет. Коричневых, тоненьких – хотя обе не курили, так, изредка баловались...

Историк рассказывал столь зажигательно, что у Димы перед глазами опять картинка возникла: заштатный, с заляпанными скатертями ресторанчик. Неряшливые официантки – наверняка с Востока, а кто еще будет работать на московской окраине? И две девчонки – юные, угловатые и слегка испуганные. Неумело смолят сигаретки. А перед ними шампанское в стальном ведерке, полном стремительно тающего льда...

«А ведь я общался с Надькой, когда та училась в выпускном классе... И считал, что скучнее ее на всем свете не найти. Такой примерной девочкой выглядела!.. При ней и ругаться язык не поворачивался, а она, оказывается, по ресторанам расхаживала...»

Историк между тем продолжал свой рассказ:

– Не успели девушки покончить с шампанским, как вдруг к их столику подходит официант. И ставит на него презент: бутылку ликера и роскошный букет роз. Подруги, разумеется, в полном восторге. Благодарно принимают подарки. Да... Бойтесь данайцев, дары приносящих... И едва они просят официанта поставить цветы в вазу, к ним подсаживаются четверо. Как потом рассказывали сами девочки, с виду вполне приличные. Русские. В костюмах. Ну, немолодые, конечно, годам к сорока, зато божатся, что намерения у них самые мирные. Будто хотят всего лишь блюда из меню им посоветовать. Мол, знают, какие заказывать, чтоб не отравиться, – ресторан-то сомнительный.

Лицо историка посуровело. Он глубоко вздохнул и продолжил:

– В общем, хотя они и закусывали, а к шести вечера красавицы наши были, как говорится, никакие. Надя, Надюшка Митрофанова, еще как-то держалась, а Лёну – ту совсем повело. Общеизвестный ведь факт, что творческим людям немного надо... Ну а мужики, их угощавшие, и рады взять быка за рога – тут же тянут на продолжение банкета куда-то к себе в гостиницу. Лёне даже в голову не пришло отказаться. Сказала, что поедет с ними хоть на край света... А Надя – та, хотя тоже с трудом на ногах стояла, заартачилась. Вытащила Лёну в туалет, начала уговаривать, что лучше домой... Может, и уговорила бы, да один из новых знакомых, видно, заподозрил демарш...

– Динамо, – автоматически поправил Дима.

– ...и прямо в дамскую комнату ворвался. Елену за руку хватить и к выходу потащил, а на Надежду цыкнул: «Не хочешь – и не надо, отваливай. А подружка твоя с нами поедет». Запихнули Лёну в машину и увезли. А Надя в ресторане осталась. Спасибо, что хоть счет мужики оплатили...

Историк вновь замолчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.